

I. ОТЪ РЫБИНСКА ДО ПОСАДА ПУЧЕЖА.

Было время, памятное многимъ еще и теперь, когда вся Волга и ея прибрежья представляли картину своеобразной и дѣятельной жизни, отъ которой вѣяло обаяніемъ какой-то дикой, но тѣмъ не менѣе родной и исполненной могучей силы поэзіи. Какъ бѣгали лебеди, величаво и красиво, одна за другою, плыли по рѣкѣ расшивы; весело и, какъ будто, играя, выбѣгали слѣдомъ за ними разукрашенныя флагами барки и дощаники, скользили по водѣ рыбацкія лодки, видѣлись развѣшанныя по берегу невода и мережи; неустанно, съ утра и до поздней ночи, раздавался громкій людской говоръ, перемѣшанный съ бурлацкой бранью, и отъ одного берега къ другому и по всему теченію Волги неслась пѣсня, то грозными и пугающими уханьями раздававшаяся въ ущельяхъ горъ, то стономъ разносившаяся по широкому пространству луговой стороны. А съ обоихъ береговъ, откуда привѣтливо глядѣли селенія, неслись на ветрѣчу другія пѣсни; пестрѣли среди яркаго ковра зелени наряды сельскихъ дѣвицъ, водившихъ хоробыды, и слышались тихіе мелодическіе звуки нашей балаалайки и гармоники. Не было деревни, гдѣ не разсказывались бы преданія старины и гдѣ не было бы своей самобытной жизни.

Не то представляетъ Волга въ настоящій моментъ. Чуть не на 500—верстномъ пространствѣ своего теченія, отъ Рыбинска и до Нижняго-Новгорода, она безлюдна и глубоко безмолвна*). За долгій лѣтній день пробѣгутъ по ней, дымясь и сердито вспѣывая колами воду, три-четыре парохода, послышится свистокъ, мелькнетъ гдѣ нибудь черной точкой небольшое суденышко, лѣтливой и безобразной массой протачится поперекъ рѣки паромъ—и все, больше ужъ ничего не услышишь и не увидишь. Только ранней весной, во время разлива воды, когда вся природа пробуждается отъ долгаго зимняго сна и цѣлыми тысячами радостныхъ звуковъ наполняетъ воздухъ, оживаетъ на время и Волга; по проѣдутъ караваны судовъ, доставится на мѣсто груза — и опять все заснѣтъ, замолкнетъ и еще ощутительнѣе становится тишина и безлюдье.

Куда же съ Волги ушла прежняя и многошумная ея жизнь,

*) Исключеніемъ служатъ лишь Рыбинскъ, съ богатой и хлѣбной пристанью.

и что такъ обезлюдило и осиротило нашу великую рѣку?

Отвѣтомъ на эти вопросы будетъ служить наше знакомство съ Поволжьемъ въ его современномъ состояніи.

Если мы взглянемъ на карту нашей страны, то увидимъ, что обѣ губерніи, Ярославская и Костромская, занимаютъ сѣверныя окраины Европейской Россіи. Волга, по берегамъ которой онѣ расположены, раздѣляетъ ихъ въ географическомъ отношеніи на двѣ части: на веровосточную и югозападную. Первая своимъ краемъ соприкасается съ подошвами сѣверныхъ уваловъ представляющихъ длинную цѣпь плоскихъ возвышенностей; эта цѣпь соединяетъ Валдайскія горы съ Уральскими, составляетъ естественный водораздѣлъ между бассейномъ Волги и бассейномъ Ладожскаго озера и сѣверной Двины. Здѣсь, почти при самой подошвѣ сѣверныхъ уваловъ, начинаются дремучіе лѣса, покрывающіе громадные пространства болотистой почвы, заключающей въ своихъ недрахъ еще никѣмъ не тронутыя богатства руды и торфа. Вторая часть, югозападная, имѣетъ видъ однообразной и печальной равнины, мѣстами испещренной незначительными возвышеніями, а болѣе котловинами и низменностями. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе и темнѣющіе кое гдѣ пни свидѣтельствуютъ, что и тутъ когда то были лѣса. Почва земли, какъ въ той, такъ и другой части, одинаково бѣдна, одинаково неплодородна, и трудъ хлѣбонашца, не смотря на чрезвычайную затрату силъ, вознаграждается крайне скудно. Если мать-природа была къ намъ вообще сурова, то по отношенію къ жителямъ двухъ, взятыхъ нами, губерній она отличалась неумолимой жестокостью махики, съ непривлекательнымъ образомъ которой мы встречаемся и въ пѣснѣ, и въ сказкѣ нашего народа. Неблагодарная почва, бѣдность и нескончаемая борьба за существованіе рано заставили мѣстныхъ жителей искать другихъ средствъ къ жизни, помимо земледѣлія. Въ лѣсной сторонѣ на помощь явился лѣсъ, который сдѣлался предметомъ различныхъ мѣстныхъ промысловъ, а въ безлѣсной начался «отходъ на сторону», для заработка въ столицы, за Уралъ и въ Сибирь. Прибрежное населеніе все жило на Волгѣ и кормилось Волгою. Эпитеты «матушка», «кормилица» не раздѣльны въ устахъ народа съ существительнымъ Волга и до сихъ

порь еще имъ не забыты. Рыболовство, судостроение, витье канатовъ, ковка гвоздей, хождение на судахъ — вотъ перечень только главныхъ промысловъ, которыми занимались прирѣчные жители. Но самымъ любимымъ промысломъ было «ходить на судахъ». Какъ ни тяжелъ былъ этотъ трудъ, какимъ опасностямъ ни подвергался человекъ въ своемъ плаваніи, но житель прибрежья, особенно молодой паренъ, непременно шелъ на Волгу. Не одинъ только заработокъ привлекалъ рабочихъ на судоходные промыслы. Волга манила его своими дивами, прекрасными мѣстами, разказами о чудесахъ и пѣснями вольными. Рѣка жила и пѣла. Такъ шло до введенія пароходства. Пароходы убили рѣчное судоходство, какъ потомъ, нѣсколько поздиѣ, желѣзныя дороги нанесли сильный ударъ и пароходству. Прибрежное население вдругъ очутилось безъ дѣла, ему нужно было приниматься за другой трудъ.

Но вотъ въ мѣстную жизнь входитъ новый элементъ. Близость большой рѣки, обиліе лѣсовъ и дешевизна рабочихъ рукъ привлекаютъ сюда капиталъ. Постепенно начинаютъ возникать по прибрежнымъ городамъ и селеніямъ большія мануфактуры, фабрики и заводы. Въ двадцать, тридцать лѣтъ все Поволжье отъ Рыбинска и до Пучежа, покрывается фабричными зданіями, кабаками, и пивныя и трактиры усыпаютъ собою берегъ. Поволжье принимаетъ новый характеръ, характеръ чисто фабричный. Мужчины и женщины идутъ работать на фабрику и заводъ; другіе, не находя работы вблизи на фабрикахъ, отправляются на желѣзныя дороги и въ отдаленные промышленные центры. Какъ много занято работой на сторонѣ, можно видѣть изъ данныхъ статистики. Въ Ярославской губерніи за 1872 годъ было выдано паспортовъ и билетовъ 133,014, что составляетъ болѣе 13% всего населенія, численность котораго простирается до 990,690 человекъ. Все здоровыя и лучшія силы на фабрикахъ и заводахъ; поля обрабатываются женщинами и дѣтьми, если только фабрики и этихъ послѣднихъ не взяли къ себѣ, и вся тяжесть домашнего и сельскаго хозяйства обрушивается на голову труженицы-женщины. Земледѣліе, которое и раньше не было въ цвѣтущемъ состояніи, теперь дошло до крайней степени упадка: средній урожай едва приходится «самъ-третей». Отъ прошлагодняго (за 1872 г.) сбора у крестьянъ Ярославской губерніи озимаго не только не осталось на сѣмена, но даже не хватало до января мѣсяца, и большинство населенія питалось однимъ молокомъ и картофелемъ. Мѣстные промыслы по

прибрежьямъ Волги совершенно упали, и остались въ однихъ глухихъ и отдаленныхъ уѣздахъ.

Новыя условія жизни не замедлили отразиться и на движеніи народонаселенія. За 1872 г. во всей губерніи родилось 43,862 человека, а умерло 39,128 человекъ. Такимъ образомъ естественная прибыль населенія будетъ 4,730 человекъ обоего пола, что едва составитъ 0,47% всего населенія губерніи. При этомъ нужно замѣтить, что число родившихся сравнительно съ числомъ умершихъ превышаетъ въ однихъ же уѣздахъ, т. е. въ сельскомъ населеніи; въ городахъ же смертность беретъ перевѣсъ надъ родившимися. При счетѣ по возрастамъ, наибольшая смертность выпадаетъ на долю дѣтей до пяти лѣтъ включительно. По отношенію къ общему числу умершихъ въ губерніи, смертность дѣтей достигаетъ 66,00%. И этотъ фактъ не случайный. Такъ, за десять лѣтъ средняя цифра ежегодно умирающихъ въ губерніи 43,164 человекъ, а въ частности до пяти-лѣтняго возраста 23,479, что даетъ 60,00% общаго числа смертности. Это фактъ поражающій и едва ли гдѣ возможный въ другихъ странахъ Европы. Такъ, мы знаемъ, что въ Пруссіи умираетъ дѣтей въ этомъ возрастѣ 37,08, а въ Англіи 39,07; слѣдовательно, у насъ умираетъ почти вдвое больше.

Совершенно аналогичныя явленія, за весьма незначительными колебаніями, представляетъ и Костромская губернія.

Какой же интересъ для этнографа имѣетъ эта часть Поволжья? Что могло сохраниться въ бытѣ мѣстнаго селенія подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій и что могла создать жизнь новаго, на чемъ бы остановился наблюдатель?

Взглянемъ сперва на города.

Все города на данномъ пространствѣ, по плану и архитектурѣ зданій и построекъ, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ фабричныхъ городовъ. Тѣ же каменные и деревянные дома, съ неизбежными мезонинами, тѣ же выкрашенные желтой краской казенныя зданія и тѣ же длинные и многэтажные красныя корпуса фабрикъ, съ высокими красными трубами, непрерывно выбрасывающими изъ себя черныя облака дыма. Жизнь городовъ отличается безцвѣтностью; общественный и частный бытъ лишены почти всякаго содержанія и интереса. Преданія и обычаи исчезли; характерныя городскія увеселенія замѣнились скучными гуляньями по бульварамъ и городскимъ садамъ, гдѣ люди не знаютъ, куда дѣваться отъ скуки, и молча созерцаютъ другъ друга или сплетничаютъ.

Народной пѣсни больше не слышать: мѣщане и мѣщанки распѣваютъ чувствительные романсы или фабричныя пѣсни, съ которыми мы познакомимся ниже. Сохранились одни религиозныя празднества, учрежденныя въ память избавленія то отъ мороваго повѣтрія, то отъ пожаровъ, то отъ другихъ бѣдствій, какимъ подвергался народъ въ своей исторической жизни. Такими празднествами, въ большинствѣ случаевъ, являются крестные ходы, которые бывають въ лѣтнее время: въ Ярославлѣ ихъ насчитываютъ до тридцати, а въ Костромѣ ровно сто. Рядомъ съ религиозными христіанскими празднествами въ нѣкоторыхъ городахъ еще замѣтны остатки языческихъ празднествъ, которыя впрочемъ языческими остаются больше по названію, чѣмъ по своему характеру. Не вымерли одни суевѣрія и предрасудки. Теперь познакомимся съ этими явленіями въ ихъ послѣдовательности.

Остановимся на крестныхъ ходахъ.

Въ Костромѣ они раздѣляются на «генеральные» и «частныя». Первые совершаются изъ Успенскаго собора съ полнымъ церковнымъ благолѣпіемъ и торжественностью; въ нихъ участвуетъ все городское духовенство и присутствуетъ самъ архіерей. Последніе направляются изъ собора къ приходскимъ церквамъ, но безъ особеннаго великолѣпія. Горожане и громаднаыя толпы крестьянъ окрестныхъ и дальнихъ селеній стекаются на эти празднества. Самое событіе, въ память котораго совершается празднество, горожанами и народомъ забыто: они собираются, потому что *такъ* было изгари заведено, что ихъ отцы, дѣды и прадѣды всегда ходили.

Наканунъ дня крестнаго хода изъ деревень и сель приходять въ городъ мужчины и женщины, привозять на тележкахъ прокаженныхъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ. Народъ густыми толпами, составляющими не одну тысячу человѣкъ, располагается кругомъ собора, на берегу рѣки и около трактировъ. Вся эта масса ждетъ перваго удара колокола. Едва загудѣлъ большой соборный колоколь, какъ толпы стремительно направляются въ храмъ; на церковный благолѣпіе слѣшать со всѣхъ торонъ и мѣстные жители. Во все продолженіе церковнаго богослуженія, толпы, не переставая, входятъ въ церковь и выходятъ, снова возвращаются и снова выходятъ; онѣ перебиваютъ во всѣхъ городскихъ храмахъ, осмотрятъ украшенія и разсядутся на ступеняхъ церковныхъ папертей и на травѣ въ оградѣ, въ ожиданіи конца службы. Прокаженные и увѣчныя, показывая свои изуродованные члены, не умолкая, взываютъ

глухими голосами къ благотворителямъ о подавніи. Богослуженіе окончилось, горожане возвращаются по домамъ, а сельскій людъ располагается почевать въ въ оградѣ и на берегу рѣки, а нѣкоторые идутъ въ постоялыя дворы. На слѣдующій день, рано утромъ, опять толпа осаждаетъ соборъ и опять ждутъ окончанія церковнаго служенія. Обѣдня кончилась, вынесли хоругви и иконы, показавъ духовный чинъ, процессія тронулась,—и народъ повалился за крестнымъ ходомъ, вздымая ногами густыя тучи пыли. Обошли городъ, воротились опять къ собору и народъ расходится по разнымъ направленіямъ. Любимымъ мѣстомъ для него служить въ Костромѣ, такъ называемая, *масляная* или *молочная* гора, идущая отъ берега Волги и соединяющаяся съ Суванинскою площадью, и городской садъ. Молочной горой народъ пользуется весь день, по общественный садъ доступенъ для него только до трехъ часовъ: передъ вечеромъ сюда собираются горожане и «деревенщину» изъ сада выгоняють. Въ прежнее время, не далѣе какъ лѣтъ десять назадъ, парни и дѣвушки пѣли пѣсни, водили хороводы и играли въ разныя игры. Но блюстительница общественного благочинія и тишины, мѣстная полиція, признала непристойными подобныя увеселенія въ городѣ и запретила не только хороводы, но и пѣсни. Такимъ образомъ деревенской молодежи осталось только ходить и «прогуливаться».

Обыкновенно это бываетъ такъ: прежде всего парни съ дѣвками зайдутъ въ ближайшіе трактиры, накушаются владсть чаю, забѣгутъ по дорогѣ кушить подсолнечныхъ зеренъ и орѣховъ, и, затѣмъ, дѣвки въ своей компаніи, а парни въ своей, направляются въ городской садъ. Парни одѣты въ шелковыя или красныя ситцевыя рубашки, пестрыя шелковыя жилетки съ цвѣтной спинкой, пливсовыя шаровары, запроващенные за свѣтлыя голенища саногъ; пальто перекинуто черезъ плечо и у многихъ въ рукахъ большіе дождевые синіе зонты. Они прохаживаются по аллеямъ сада, больше по двое и обнявшись, и порой заходятъ въ дѣвичью компанью и заводятъ разговоры. Дѣвицы обыкновенно сидятъ или на скамейкахъ въ аллеяхъ, или въ бесѣдкѣ и на травѣ. Костюмъ ихъ состоитъ изъ дешеваго шерстянаго или ситцеваго платья, кофты, длиннаго фартува, головнаго платочка съ набивными цвѣточками или зеленаго цвѣта. Платье ихъ, скроеное и сшитое домашней портнихой, не чуждо покушенія на моду: у многихъ даже встрѣчаются зачатки панье. Обуты онѣ въ башмаки, ботинки и перѣдко съ мѣдными подковками. Почти у каждой

дѣвухи шерстяной и непременно зеленого цвѣта зонтикъ, который впрочемъ она никогда не распускаетъ, какъ бы ни падало и ни жгло ее солнце. Последнее дополненіе туалета составляютъ филъдековскія перчатки, которыя уже ни въ какомъ случаѣ не снимаются. Красотой лица, надо сказать, прекрасный полъ Костромской и Ярославской губерній не отличается, но за то природа въ избыткѣ надѣлила ихъ структурой: сильно развитая грудь, мощные члены и здоровая мускулатура такъ и кидаются въ глаза. Сидятъ онѣ полукругомъ или въ рядъ и грызутъ орѣхи. Вотъ подходятъ парни, берутся за козырекъ фуражки и говорятъ:

— Здравствуйте. Что сидите?

— Сидимъ, отвѣчаетъ которая нибудь изъ компаніи. А ты гдѣ гуляешь?

— Да съ Сенькой сейчасъ въ трактиръ сидѣли. Сколько тамъ нашихъ, страсть!—А Микитка Петровъ напился, и очень надъ женой куражится.

— Какъ же онъ куражится?

— Я, говорить, тебѣ мужъ; ты, говорить, должна уважать меня, потому я у перваго кушца въ прядильщикахъ состою. Ты, говорить, какъ есть деревенщина, а я первый мастеръ на фабрикѣ!

— А она ему что?

— А она? Извѣстно, что она—баба. Я, говорить, къ тебѣ нарочно изъ деревни пришла, чтобы съ тобой свидѣться, а ты только ласешься.

Разговоръ замогаетъ. Дѣвки щелкаютъ орѣхи, а парни глазѣютъ по сторонамъ.

— Скоро, парни, къ домамъ-то думаете? нарушаетъ молчаніе та же дѣвица.

— Да не знаемъ: погуляли-бы, да ужъ всё мѣста обошли: и въ трактирахъ были, и въ балаганѣ Петрушку глядѣли.

— Знаю, веселій большихъ цѣтъ. Кабы лъзя, такъ основу *) бы завести: въ саду было бы гдѣ разойтись и пѣсеню поиграть.

— Попробуй-ка, начни, такъ унтеръ-то вотъ онъ стоитъ!—Сейчасъ тебя къ мировому.

Подходить еще парень и, ни слова не говоря, прямо одну изъ дѣвокъ по сищи.

— Что ты, аль сбѣгмса?

— Съ праздникомъ, дура!

— То-то съ праздникомъ. Чай, здѣсь не въ деревнѣ, баловать не велать.

Парень съ тѣмъ-же привѣтствіемъ обращается къ

другой, къ третьей и т. д. Дѣвки поднимаютъ визгъ.

По аллеямъ парами прогуливаются деревенскіе «молодые», держа другъ друга за руку.

— Гляньте-но: никакъ это наши, Петрунька съ своей молодой!

— Они и есть. Какая молодая-то нарядная!

Къ тремъ часамъ въ садъ появляются городскіе жители, раздраженные по праздничному, и начинается утомительное и монотонное хожденіе взадъ и впередъ по одной и той же аллеѣ. Скуча невыносимая!

Точно такой же характеръ носятъ эти празднества и въ другихъ городахъ Поволжья.

Къ остаткамъ язычества относится празднество въ честь бога Ярила. Обычай праздновать Яриль сохранился въ Костромѣ и Кинешмѣ. Время для празднества последнее воскресенье, передъ Петровскимъ постомъ. Костромичи, преимущественно мѣщане и рабочіе, а также крестьяне сосѣднихъ деревень, въ этотъ день собираются на поляну, которая подлѣ самаго города и называется «Яриловкой». Еще наканунѣ здѣсь устраивается выставка съ продажей спиртныхъ напитковъ, балаганы съ блинами и палатки съ всевозможными дешевыми лакомствами. Все празднество заключается въ необычайной толкотнѣ, выпивкѣ и нескладномъ распѣваніи фабричныхъ пѣсенъ. Въ толпѣ часто раздаются фразы:

— Что, и ты пришегъ Ярилу погребать?

— А то зачѣмъ же?

— Ну, братъ, а мы Ярилу безъ тебя погребли. Ей Богу! Гляди: видишь, что въ карманѣ? и при этомъ мѣщанинъ выворачиваетъ пустой карманъ.

Я старался узнать, нѣтъ ли какихъ преданій о Ярилѣ и о происхожденіи самаго праздника. Послѣ долгихъ и бесполезныхъ попытокъ, вотъ что я узналъ отъ одного костромскаго старожилла.

— Былъ у насъ, въ Костромѣ одинъ горожанинъ, рассказывалъ мнѣ мѣщанинъ. Звали его Яриломъ. Былъ этотъ Ярило веселаго нрава человѣкъ: какъ праздникъ, онъ безпрѣменно гульбище, али веселье какое затѣветъ. Народу къ нему—ишь число, сколько всегда собиралось. Веселье было великое. Жилъ этотъ Ярило долго, лѣтъ до полутора, а потомъ и умеръ. Ярило умеръ, а гульбищъ его народъ не забылъ и каждый годъ сталъ справлять по Ярилѣ поминки. Только, какъ самъ Ярило былъ человѣкъ веселый, то и поминки по немъ народъ справлялъ тоже веселыя, а самое мѣсто, гдѣ народъ тѣшился при Ярилѣ, прозвали

*) Основа—хороводъ.

Яриловой. Такъ вотъ, кто былъ Ярило, и почему народъ ему празднуетъ.

— А давно жилъ этотъ Ярило?

— Давно, Миѣ ужъ вотъ седьмой десятокъ на исходе, а я его не засталъ. Давно!...

Въ Кинешмѣ этотъ праздникъ справляется за рѣчкой Кинешемкой, на красивой гористой мѣстности, покрытой лѣсомъ. Посерединѣ лѣса есть поляна, на которой и происходитъ торжество. Это мѣсто называется «Яриловой плѣшью». Празднуютъ Ярилѣ два дня: въ первый день идутъ встрѣчать Ярилу, а на второй—погребать. Какъ радостная встрѣча, такъ и печальныя похороны сопровождаются страшной попойкой. Возвращаясь съ праздника встрѣчи, всѣ поютъ пѣсни, но не о виновникѣ торжества, а кому что на умъ взбрѣдетъ. Многие пѣлуются и поздравляютъ другъ друга.

— Со встрѣчей Ярилы!

— И васъ равнымъ образомъ!

— Слава Богу, встрѣтили батюшку!

При похоронахъ Ярилы многіе плачутъ, особенно кто успѣлъ больше выпить.

— Погребли, батюшку, говорятъ плакальщица, обливаясь слезами.—Приведетъ ли намъ Господь опять то его встрѣтить.

Рассказываютъ, что два года года назадъ, дѣлали большую куклу, которую народъ носилъ во время самаго праздника и потомъ зарывали ее въ землю. Но мѣстное духовенство и полиція возстали противъ изображенія Ярилы, и кукла теперь больше не появляется. Пѣсень и преданій о Ярилѣ никакихъ не помнятъ. Впрочемъ, когда станешь ужъ очень допытываться,—кто былъ этотъ Ярило, то кинешемцы скажутъ, что Ярило былъ какой то страшный разбойникъ....

Народныя суевѣрія и предрасудки, всевластно охватившіе населенія Поволжья, выражаются въ молитвахъ, заговорахъ, заклятыяхъ и т. п. Они преслѣдуютъ двѣ цѣли: или принести человѣку пользу, или вредъ. Приведу здѣсь немногія.

Молитва отъ зубной боли.

«У кого зубы болятъ, рцы молитву: Господи Исусе Христе! Радуйся, стѣно каменное, и сію ими болѣзнь отъ моихъ челюстей и отъ зубъ раба Божія (имя рекъ). Да не обратится стѣно во вѣки, Христе, дондеже миѣ помощь и здравіе болящему главою и зубомъ у раба Божія (имя рекъ). Молитвами Богородицы и святителя Христова Антима, буди помощникъ скорби моеи;

я, рабъ, тебѣ свою просфиру отсылаю и всѣмъ святымъ твоимъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Отъ жала змѣйнаго слово.

«Гаде, ты гаде, бумажное тѣло, сахарныя уста, на духи, наговоры! Гаде, ты гаде, возьми свое сѣмя и ревность. Задудъ, заговорилъ, какъ скоро съ меня пала на земь, такъ скоро поди вонъ жало змѣиное изъ раба Божія (имя рекъ). Аминь». Говори сіе трижды.

Отъ трудныхъ родовъ.

«Аще жена не можетъ родить дитя, то напиши на чревѣ ея сіи слова: «помини, Господи, сыны Едомскіе во дни Иерусалимовы, глаголюще: истощайте!» Напиши и дай ей за пазуху.

Противъ клоповъ употребляютъ такое средство.

Въ полночь одна изъ живущихъ въ домѣ женщинъ, гдѣ водятся клопы, садится верхомъ на кочергу и объѣзжаетъ кругомъ домъ три раза и спрашиваетъ:

— Кто въ домѣ есть?

Изъ окна таинственный голосъ отвѣчаетъ:

— Клопъ клопа ѣтъ.

Въ третій разъ объѣзжающая спрашиваетъ:

— Кто въ домѣ есть?

— Последний клопъ клопа ѣтъ.

И клопы непременно переведутся. Никто изъ живущихъ въ домѣ, кромѣ заговорильниковъ, не долженъ знать про эту тайну: иначе заговоръ не подѣйствуетъ! Замѣчательно то, что приведенный заговоръ въ большомъ ходу въ самой Костромѣ, между купцами и мѣщанами.

Вѣра въ подобные заговоры не поколебима, какъ въ городскомъ, такъ и сельскомъ населеніи.

Перехода отъ жизни городовъ къ жизни селъ и деревень верхняго Поволжья, наблюдатель прежде всего встрѣчается съ чудовищной подражательностью городскимъ жителямъ и погоню за новизною. Нужно подивиться интенсивности силы вліянія городовъ и фабрикъ, уничтожившей въ 20—30 лѣтъ въ сельскомъ населеніи даже обрядовую сторону, съ которой русскій народъ менѣе всего способенъ разстаться. Такъ на сельскихъ свадьбахъ, во время дѣвишниковъ, вмѣсто стоворенныхъ или свадебныхъ пѣсень, дѣвушки танцуютъ нѣчто въ видѣ полекъ и расцѣваютъ пѣсни изданія Никольской улицы (въ Москвѣ) и Апраксина двора! Но какъ ни поразительна утрата самобытности въ прибрежномъ населеніи, тѣмъ не менѣе, однако, жилка народной жизни

вдруг себя проявить и пролететь свѣтъ на прошлое. Вотъ одинъ изъ наличныхъ обычаевъ, не успѣвшій еще умереть и указывающій на богатство элементовъ, изъ которыхъ когда то складывалась жизнь народа...

Въ Ярославлѣ до сихъ поръ существуетъ обычай выставки деревенскихъ молодыхъ. Ежегодно, на масляницѣ, въ понедѣльникъ, прїѣзжаютъ изъ окрестныхъ деревень и сель новобрачные, и устанавливаются на Рождественской улицѣ рядами попарно. Новобрачные пары, въ продолженіе трехъ, четырехъ часовъ, стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Это стояніе называется *столбами*. На столбахъ, молодухи и ихъ мужья показываютъ все, что у нихъ есть дорогаго и красиваго изъ одежды. Если у молодого двѣ шубы, онъ надѣнетъ одну въ рукава, а другую накинетъ на плечи. Женщина наряжается во все, какіе только есть у ней, праздничные сарафаны или платья, надѣваетъ нѣсколько шубъ, и если все не могутъ на нее взойти, то лишнія держитъ въ рукахъ. На головѣ также множество платковъ и различныхъ украшеній. Бѣдные, которымъ не въ чемъ показаться на столбы, берутъ на поддержаніе у болѣе зажиточныхъ, и являются на столбы въ чужомъ платьѣ. Обычай этотъ стародавній, и никто о началѣ его не запомнитъ. Ярославскіе горожане подсмѣиваются надъ крестьянами и ходятъ смотрѣть столбы, чтобы вдоволь натѣшиться надъ необразованной деревенщиной. Часа въ три за полдень столбы отправляются распивать чай. Все сосѣдніе трактиры не успеваютъ запастись горячей водой: выходятъ въ нѣкоторыхъ до 15 бочекъ—сороговедерныхъ.

Не входя въ разсмотрѣніе социальнаго значенія «столбовъ», которое за ними признать слѣдуетъ, мы видимъ въ этомъ обычаѣ другую сторону, рѣзко бросающуюся въ глаза и имѣющую чисто юридическое значеніе. Молодые люди, только вступившіе въ бракъ, заявляютъ передъ *міромъ*, публично, и притомъ *безъ различія пола*, о своей правоспособности,—правѣ семейномъ и въ чужомъ: съ одной стороны передъ *міромъ* выступаютъ мужъ и жена, а съ другой—оба супруга показываютъ свое имущество, какое каждый изъ нихъ имѣетъ. Дальше, когда перейдемъ къ этнографіи притоковъ Волги, мы встретимся съ аналогичнымъ явленіемъ въ одномъ свадебномъ обычаѣ, который точно также носить на себѣ печать глубокой старины.

Затѣмъ, взглядываясь въ жизнь селеній и деревень Приволжья, ничего не остается сказать, какъ только

повторить: вездѣ бѣдность и исчезновеніе элементовъ самобытной народной жизни!

Вліяніе городовъ и фабрикъ сильно отразилось и на пѣснотворствѣ. Чисто народная пѣсня еще не умерла въ сельскомъ населеніи прибрежья, ее услышишь рядомъ съ пѣсней искусственной, но содержаніе ея уже измѣнилось и измѣнилось не въ пользу послѣдней. Что народное пѣснотворчество живетъ—краснорѣчивымъ тому доказательствомъ можетъ служить созданіе особаго вида пѣсни—пѣсни фабричной.

Что же это за *новая* пѣсня, создавшаяся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ условій социальной и экономической жизни?

Пѣсня—это душа человѣка: въ ней онъ рассказываетъ самыя сокровенныя тайны сердца, изливаетъ чувства радости и горя, выражаетъ свои завѣтныя и дорогія мечты, рассказываетъ о великихъ событіяхъ и воспѣваетъ подвиги своихъ героевъ.

О чемъ же поетъ прибрежное населеніе Волги отъ Рыбинска до Пучежа, и какіе идеалы рисуетъ намъ *новая* пѣсня? Прислушайтесь, что поетъ дѣвушка, сидя въ отцовской избѣ:

«Пожила-бъ я, молоденька,
Безъ горя недѣлку!
Да напередъ меня, младенки,
Горе зародилось:
Надъ Ванюшиной головкой
Горе совершилось.
Не за разумъ Ваня взялся,
Прошилъ, промотался (bis),
Въ солдаты проданъ» и д. т.

А вотъ какъ паренъ прощается съ своей любушкой:

«Сидѣлъ Ваня на диванѣ,
Стаканъ рому наливалъ;
Не наливши съ полстакана,
Самъ за Катенькой послалъ.
— Раздуша ль, моя Катюша,
Объщай свою любовь!
Я любилъ тебя три года
Все за кротость за твою;
А теперь лишь сложидаю:
Жить я ѣду въ Петербургъ.
Петербургъ городъ привольный,
Все трактиры, кабаки» и т. д.

Объ пѣсни говорятъ сами за себя и всякіе комментаріи излишни. Слѣдующая пѣсня рисуетъ намъ картину жизни цѣлаго сословія фабричныхъ рабочихъ:

Бѣжить рѣчка по песку

Ко фабричному двору.
 Фабриканты-музыканты *)
 Хоть голы да удалы.
 На руках-то кандалы,
 На ногах-то сапоги.
 Многомудренные,
 Принапудренные!
 Они ткуть салфетки
 Все на разныя на клѣтки.
 Они сукна спотыкали,
 Всѣ кафтаны сплшивали.
 Намъ не дороги кафтаны,
 У насъ денежки въ кармапъ:
 Цѣловые по мѣшкамъ
 Не даютъ спать по ночамъ,
 Въ полночь денежки гремятъ,
 Намъ въ кабагъ идти велятъ!
 Мы подходимъ къ кабаку,
 Цѣловальникъ на боку.
 — Цѣловальникъ-маркинтантъ!
 Отпирай новый кабагъ,
 Пускай бравыехъ ребятъ;
 Наливай вина осмуху,
 Наберемса его духу,
 Мы ударимъ ~~зап~~ въ уху,
 Саду вонъ поидемъ, L m
 Цѣловаальника прибьемъ,
 Домой пьяные поидемъ».

Но дорогою «фабриканты-музыканты» вспомнили, что у нихъ еще не все пропито:

«У насъ шуба нова есть —
 Не домой намъ её несть».

И рабочіе снова возвращаются:
 — Цѣловальникъ-маркинтантъ!
 Отпирай новый кабагъ,
 Принимай шубу во закладъ».

Но видно плохо у пивуновъ лежитъ сердце къ «дому», какъ они называютъ свои фабрики; опротивѣло, должно, имъ житье-бытье фабричное и воротитъ ихъ отъ «фабричнаго двора». Заключение пѣсни какъ нельзя болѣе гармонируетъ, если позволительно здѣсь такъ выразитъся, съ цѣлымъ произведеніемъ:

«На заводѣ мы живали,
 Мелки деньги получали;
 Мѣдны деньги, пятаки —
 Отнесемъ ихъ въ кабаки!»

Такова картина фабричнаго быта. Мрачная картина! Что можно встрѣтить безотрадые по содержанію и циничныя по формѣ этой пѣсни? А иронія, съ какой фабричныя относятся къ своему положенію — страшная иронія, отъ которой кровь стынетъ въ жилахъ и останавливается въ груди біеніе сердца!...

Фабрики, кабаки, трактиры и, неразлучный съ ними, грубый развратъ — вотъ темы и предметы народнаго пѣснотворчества фабричнаго населенія Поволжья. Подобнаго содержанія пѣсни распѣваютъ на фабрикахъ и заводахъ, поютъ ихъ по деревнямъ и селамъ, на нихъ воспитываются подростокующія поколѣнія и дѣти!...

Но въ массѣ фабричныхъ пѣсней, съ образчиками которыхъ мы только познакомились, нарождаются уже и другія. Есть одна пѣсня, которая бросаетъ лучъ надежды. Начинается она такъ:

«На заводѣ мы живали,
 Много денегъ получали,
 Много денегъ получали,
 Сотъ по восемь рублей въ годъ;
 И того мнѣ не хватало —
 Пятьдесятъ рублей въ оброкъ.
 Я съ хозяиномъ расцелса,
 Ничего мнѣ не пришлось.
 Изъ конторы вонъ пошелъ,
 Булакомъ слезы утеръ.
 — Ты прощай, прощай, хозяинъ,
 Со заводомъ со своимъ,
 Со заводомъ со своимъ
 Со директоромъ глухимъ!»

Восьмисотенный работникъ отправляется домой, въ деревню. Онъ вспоминаетъ о фабрикѣ, какъ гулялъ тамъ по трактирамъ, сколько у него было «мамашекъ» (любовницъ) и т. п.; но вотъ онъ приходитъ въ деревню, гдѣ его встрѣчаютъ земляки и совѣтуютъ пахать родное поле. И прежній фабричный снова принимается за соху и борону.

Мысль пѣсни ясна: не фабрика кормилица русскаго человѣка, а матушка земля, въ ней лежитъ его благосостояніе и задатки его лучшаго будущаго, какъ народа. Народъ понималъ, что всѣ фабрики и заводы только выжимаютъ изъ него здоровые соки и деморализуютъ человѣка, не давая ему въ замѣнъ ровно ничего. Но чѣмъ выразится это сознаніе въ самой жизни фабричнаго населенія, и какое новое направленіе приметъ жизнь — сказать трудно, — тѣмъ болѣе, что этнографія страны не стоитъ отдѣльно, а тѣсно связана съ условіями

*) Такъ рабочіе величаютъ себя.

экономическими, политическими и другими, могущими если не совершенно уничтожить, то изменить или задержать развитие новых начал, которые успели обогнаться в жизни народа...

II. ОТЪ ПОСАДА ПУЧЕЖА ДО КАЗАНИ.

Еще не достигая заштатнаго города Плеса, нагорный берег Волги, до тѣхъ поръ не представлявшій ничего, кромѣ отлогостей и покатостей, начинаетъ расти, поднимается все выше и выше и переходитъ въ цѣль значительныхъ возвышеній. Едва пароходъ, круто повернувъ въ своемъ направленіи, обогнулъ мысъ, заслонявшій собою даль, какъ свергнули на солнцѣ кресты, показались съ высокихъ горъ храмы и выглянули изъ за густой зелени городскіе дома. Это — Плесъ. Чѣмъ ниже мы спускаемся, тѣмъ красивѣе и разнообразнѣе становится правый берегъ и мѣстами высоко поднимается лѣвый. Волга то идетъ вдоль гористаго берега, то убѣгаетъ отъ него и, широко разливаясь, несется мимо луговъ и полей, то снова возвращается; замкнутая среди высокихъ береговъ, она какъ будто бы перестаетъ гнать свои тихія воды, остановилась и заснула во всемъ величій своей чудной и нѣмой красоты.

По мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ посада Пучежа, характеръ приволжскихъ селеній измѣняется. Фабричныхъ зданій съ безчисленными окнами и чудовищными трубами больше не видать; вмѣсто нихъ о бокъ съ городами и селеніями попадаютъ разные заводы, широко размахиваютъ своими крыльями вѣтряныя мельницы и слышно какъ стучать, ворочая жерновами, водяныя и паровыя мельницы. Кабаки и другія увеселительныя заведенія хотя и заявляютъ о своемъ существованіи, но далеко не въ такой степени, какъ въ Поволжѣ фабричномъ. Въ расположеніи построекъ мы замѣчаемъ разнообразіе, обусловливаемое самой природой. Тамъ, въ одномъ мѣстѣ, строенія начинаются съ вершины горы и сползаютъ по склону къ самой рѣкѣ; тамъ, въ другомъ мѣстѣ, деревянныя постройки, перемежающіяся съ каменными, идутъ вдоль берега неправильными террасами; а тамъ, въ третьемъ—сельскіе дома и убогія избушки, подобно гнѣздамъ ласточекъ, въ беспорядкѣ лѣплятся по холмамъ, оврагамъ и крутымъ откосамъ. Заволжскія селенія, занимающія большую часть ровныхъ мѣста, вытянуты въ одну и двѣ улицы. Прекрасная рѣка, высокие стога только что скошеннаго сѣна, золотящаяся нива и горы, то бѣлѣющія, какъ тающія весною снѣгъ, то заросшія лѣсной порослью,—сглажи-

ваютъ кругомъ царящую бѣдность и разливаютъ мягкій колоритъ. Укаждой пароходной пристани толпятся женщины и дѣвочки: они ожидаютъ прибытія парохода. Какъ только пароходъ причалилъ къ пристани, сотни рукъ съ бутылками, плошками и тарелками поднимаются къ верху и раздаются оглушительный вриакъ:

— «Ягоды свѣжія!»... «Рыба жареная!»... «Баранина!»... «Квасъ!»... «Печенка!»... «У меня, господишь, возьмите!»... «Нѣтъ, у меня»... «А ты что толкаешься?» «Сливочки, баринъ!»... «Не одной, чай, тебѣ вѣсть-то хочется?»... и т. д.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, общихъ предметовъ торга, каждая пристань непременно предлагаетъ предметы своего мѣстнаго производства: одна—полотна и салфетки, другая — кружева и блонды, третья—пряники и т. д. Если пароходу нужно запастись дровами, дровоноски, молодыя дѣвушки и женщины, всякій разъ являющіяся на пристань, хватаются за длинныя палки, накладываютъ на нихъ дрова и принимаются носить на пароходъ.

— Ну, вы, божей народъ, поворачивайтесь живѣй! командуетъ лоцманъ, наблюдающій загрузкою дровъ.

— Посторонитесь, дайте пройти! то и знай раздаются голоса дровоносовъ. — Стоять тутъ безъ дѣла, только дорогу загораживаютъ...

— Ахъ, какая дѣвка! громко восхищается шуроваръ, выставивъ изъ трюма замасленное все сажей лицо и вытаращивъ глаза на одну изъ дровоносокъ. — Вотъ такъ дѣвка!

— А ты паровика-то, паровика свое больше надерживайся, пронизываетъ поваръ, тоже не спускающій глазъ съ дѣвокъ.—Нечего попусту зариться: ты, знай, подшуровывай!

— Ладно! А ты кострюли-то свои наблюдай.

Пароходъ отваливаетъ.

Вотъ впереди, далеко, верстъ за тридцать, зачернѣла какая-то масса, безформеннымъ гигантомъ распростершаяся надъ бѣлесоватымъ туманомъ и слившаяся съ горизонтомъ. Пароходъ летитъ; гигантъ все ближе и ближе. Безформенность исчезаетъ, выступаютъ очертанія горъ и откосовъ, играющихъ переливками красокъ, и передъ нами открылся видъ Нижняго Новгорода. Еще ближе, — и передъ глазами неожиданно вырастаетъ цѣлый лѣсъ мачтъ: Волга и устье Оки на неоглядномъ пространствѣ заставлены пароходами, баржами, расшивами и разными судами. Большіе якоря, наващенные одинъ на другой, глядятъ съ берега; по улицамъ, на

набережной и всюду снуеть и кипить народъ; неустан- ный говоръ, крики, ухающий припѣвъ бурлаковъ при завоѣ якоря и стукъ экипажей сливаются съ неумолкае- мымъ ревомъ и свистомъ пароходовъ, и все это гуломъ стоить надъ рѣкой и городомъ...

Нижний, съ его кипучей и тревожной дѣятельностью, остался позади. Но до слуха все еще доносится пѣсня съ «завозня»:

«Грянемъ-те вдругъ.

Да-а ух!

Ухъ да-а у-у-ухъ!»...

И опять, по ту и другую сторону, замелкали передъ нами деревни, села, города и посады. Даль рѣки заблѣлась: это косовыя или косныя лодки, бѣгущія по вѣтру и противъ вѣтра на своихъ парусахъ. Двух-Трубные буксирные пароходы, таща за собой цѣлыя деревни баржей, идутъ въ Нижний; легкіе пароходы и двухдечные американской системы—эти движущіеся по водѣ громадные красивые дома—встрѣчаются съ нами и быстро проносятся мимо. По берегу тянутся сады; видны зарумянившіеся на солнцѣ яблоки и краснѣть вишня; чаще встрѣчаются паровыя мукомольныя мельницы; въ горахъ стучитъ топоръ и молотъ—то съкрутъ алебастръ. Быстро промелькнули Макарьевъ съ желтыми песками, Василь-Сурскъ, Козмодемьянскъ и Чебоксары. Дальше—по лѣвой сторонѣ потянулся лѣсной Царевко-кшайскій уѣздъ, еще дальше,—справа показался Свѣ- жскъ, на встрѣчу выступили Услонскія горы, кото- рыми западноевропейскіе географы отдѣляютъ Европу отъ Азіи, и наконецъ, противъ Услона—Казань...

Таковъ общій видъ Поволжья отъ Пучежа до Казани. Этотъ, слегка набросанный, очеркъ даетъ намъ поня- тіе о родѣ занятій мѣстнаго населенія: теперь мы знае- мь, что намъ приходится имѣть дѣло съ населеніемъ торговымъ, промышленнымъ и земледѣльческимъ.

Между многими условіями, такъ или иначе вліяющими на этнографію страны, главнымъ, бесспорно, останутся природа и родъ занятій жителей; подъ вліяніемъ окру- жающей природы и занятій складывается первоначаль- ное міросозерцаніе народа, закладываются основы его частнаго и общественнаго быта. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ жизни народа вносятся новые элементы и духовный строй измѣняется, старыя начала уступа- ютъ новымъ и народъ забываетъ свое прошлое. Но замѣна стараго новымъ совершается медленно: пройдетъ много столѣтій и смѣнится рядъ поколѣній, прежде

чѣмъ народъ откажется отъ своихъ вѣрованій и поня- тій, унаслѣдованныхъ имъ отъ маститой старицы. Но- выя вліянія уже коснулись жизни, и народъ, не имѣя возможности долѣе бороться съ ними, не охотно под- чиняется давленію и принимаетъ новое. Но эта уступка чисто вѣшняя: новыя начала чужды народу, и прежнее міросозерцаніе не теряетъ своей силы и продолжаетъ жить. Христіанство смѣнило языческій культа нашихъ предковъ, не давъ ему достигнуть полной законченности въ своемъ развитіи, и заставило славянскія племена креститься. Около десяти вѣковъ прошло, какъ по во- лѣ князя Владиміра кіевляне свергнули Перуна и бро- сили его въ Днѣпръ, съ горкимъ плачемъ провожая уплывавшаго идола, Днѣпръ унесъ изображеніе грознаго божества; но волны его не въ силахъ были унести съ собой языческихъ вѣрованій: они уцѣляли и продол- жають жить и въ христіанскомъ мірѣ, не смотря на гоненіе, воздвигнутое противъ нихъ православнымъ духовенствомъ и свѣтскою властью. Отсюда возникаетъ народное двоевѣріе. Раньше было замѣчено, что суевѣ- рія и предрасудки господствуютъ не въ одномъ про- стомъ народѣ, но и въ образованныхъ классахъ нашего общества. Что значать всѣ эти заговоры, примѣты и заклинанія, какъ неостатки богатого наслѣдства отъ времени язычества? Измѣнилась форма, а содержаніе осталось почти то же.

Наблюденія надъ этнографіей Поволжья отъ Пучежа до Казани подтверждаютъ справедливость настоящаго взгляда.

По отношенію къ языку, или нарѣчію русскаго на- селенія, Поволжье отъ Пучежа до Казани можно раз- дѣлить на двѣ части: на горную, гдѣ жители говорятъ почти правильнымъ русскимъ языкомъ, и луговую, за- волжскую, гдѣ народный говоръ рѣзко отличается отъ господствующаго у насъ нарѣчія. Объ особенностяхъ этого говора я еще буду говорить, когда перейду къ этнографіи притоковъ Волги. Нельзя сказать, чтобы въ языкѣ нагорнаго населенія не замѣчалось нѣкоторыхъ отличій, но они не составляютъ характерной черты нарѣчія мѣстныхъ жителей: они общи и другимъ мѣст- ностямъ Россіи. Изъ прибрежныхъ селеній только село Катунки и селенія глухихъ мѣстъ, которыхъ я здѣсь не касаюсь, отличаются по говору и стоятъ близко къ говору заволжской стороны.

По народному міросозерцанію, земля основана на морѣ и лежитъ на трехъ китахъ. Небо и земля населены

добрыми и злыми существами; съ послѣдними человѣку приходится вести постоянную и нескончаемую борьбу. Дьяволъ неутомимо хлопочетъ, чтобы сдѣлать людямъ какую нибудь пакость; онъ дѣйствуетъ непосредственно, самъ своей особой или черезъ посредство злыхъ людей, которые закабалили ему свою душу и съюты въ мѣръ зло. Дьяволъ незримо летаетъ по воздуху и кружится въ вихрь; является въ святыхъ обители и прельщаетъ честныхъ иноковъ и смиренныхъ монахинь. Пророкъ Илья, этотъ новый Перунъ, разлѣзая по небу на огненныхъ коняхъ, запряженныхъ въ огненную колесницу, видитъ соблазнителья человѣческихъ душъ и разитъ его огненными стрѣлами; но сила дьявольская несмѣтна и живуча: сколько ни мечетъ Илья стрѣлъ въ сатану, но черти не переводятся на святой Руси... Въ рѣчныхъ омутахъ, озерахъ и прудахъ живутъ водяные; въ дремучихъ лѣсахъ обитаетъ лѣшій; во всякомъ дому, подъ печкой, живетъ домовый, во дворѣ другой—его сынъ, въ банѣ—жена и т. д. Домовые, впрочемъ, духи смиренныя, они не вредятъ людямъ; наоборотъ предупреждаютъ своихъ хозяевъ о грозящихъ несчастіяхъ и предсказываютъ имъ радость и благополучіе. Если домовый стонетъ, хозяйинъ ужъ знаетъ, что это не къ добру; если домовый шумитъ — будетъ радость. Только *девро-омій*, случается, не возлюбитъ иногда скотину и станетъ ее гонять по двору и мучить. Но такое озорство не остается безнаказаннымъ: едва хозяйинъ замѣтитъ, что корова или лошадь худѣетъ, беретъ траву чертогонъ, связываетъ изъ нея пукъ и принимается учить озорника. Онъ бѣгаетъ по двору, хлещетъ чертогономъ по всѣмъ сторонамъ и приговариваетъ:

—Вотъ тебѣ, вотъ!... Не озорничай! веди себя хорошенько, живи по Божью, скотинушку люби! *)

Но не такъ легко справиться съ лѣшнимъ и водянымъ. Лѣшій обойдетъ дорогу, заведетъ въ такую глушь, откуда потомъ трудно будетъ и выбраться, а нерѣдко и такъ бываетъ, что отобьетъ лошадь, сядетъ на нее верхомъ, образиной къ хвосту и ускачетъ. Зимой, особенно въ храмовые праздники, когда бывають у крестьянъ пирушки, лѣшій навязывается кому нибудь въ провожатые и доводитъ спутника до его избы или кабака. Хорошо, если мужикъ, прежде чѣмъ переступить порогъ, догадается сотворить молитву или перекрестится: дьявольское навожденіе исчезаетъ, а то—прямо въ

*) Нѣчто тождественное мы видимъ у черемисъ и чувашъ, которые также выгоняють *шайтана*.

прорубь, куда его привелъ лѣшій, чтобы услужить своему пріятелю водяному. Но послѣднимъ зимой плохая пожива: рабочая для нихъ пора наступаетъ лѣтомъ. Водяные хватають за ноги купающихся и тащатъ ихъ на дно омута; они, по преимуществу, любятъ дѣтей. отъ того у насъ вездѣ ихъ такъ много и тонетъ лѣтомъ. Когда утопленника вытаскать, или трупъ его самъ выплываетъ на поверхность воды, на тѣлѣ усматриваются синія пятна: это слѣды пальцевъ водянаго дѣдушки.

Но какъ ни много лѣшнихъ и водяныхъ, тѣмъ не менѣе, однако, встрѣчаются мѣстности, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ: это селенія безлѣсныя и безводныя. Въ одномъ селеніи Козмодемьянскаго уѣзда я спросилъ крестьянина:

—Ну, какъ у васъ, лѣшіе-то водятся?

—Допрежде много водилось, а понѣ что-то про нихъ не слышно. Жить негдѣ стало, лѣса всѣ повыврубили.

Но больше всякой чертовщины народъ боится колдуновъ, знахарей и злыхъ людей.

—Отъ нечистаго даны крестъ да молитва, говорить народъ,—а отъ злаго человѣка, коли Богъ попуститъ, ничѣмъ ты не отойдешь.

Нельзя же, однако, въ такихъ случаяхъ и бездѣйствовать. Народъ въ такихъ случаяхъ окруженъ злыми; они властны съ нимъ дѣлать все, что захотятъ. Необходимо чѣмъ нибудь обороняться. Но чѣмъ же можно спастись отъ злаго человѣка, какъ не тѣми же сверхъестественными средствами, какія онъ самъ употребляетъ? И вотъ народная фантазія создаетъ массу оборонительныхъ средствъ, которыя являются въ формѣ заговоровъ, заклятій, наговоровъ, приворотовъ, отворотовъ и т. п. Всѣ эти средства или орудія борьбы имѣють огромное значеніе въ ежедневномъ обиходѣ русскаго человѣка: они пускаются въ ходъ и противъ дьявола, и злаго человѣка, и разныхъ болѣзней. Кромѣ своего утилитарнаго значенія, заговоры сохраняють остатки преданій о миамахъ, отъ нихъ вѣетъ народной сагою и многіе не лишены поэзій.

Отъ «уроковъ» («озепишиша», «утишины» *) практикуется слѣдующій заговоръ. «Встаю я, рабъ Божій (имя), свяжей водой умываюсь, чистымъ полотенцомъ утираюсь. Выхожу я, рабъ Божій, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяць, подъ частыя звѣзды. Молюсь я, рабъ Божій,

*) Утишиною называются припадки падучей болѣзни.

на всѣ четыре стороны. Въ восточной сторонѣ есть океанъ-море, стоитъ Божія церковь; въ этой церкви стоитъ златъ престолъ; за этимъ престоломъ сидитъ мать Пресвятая Богородица, временная Пятица и Парасковья великомученицы. Матушка Пресвятая Богородица, утиши всякую скорбь и болѣзнь у раба Божія (имя); и вы, урока, озениши отколь пришли, туда и подите. Подите уроки-озениши (озеницы) за рѣчки, за болоты тонучія и сядте на пустое озеро. Отъ двоєволосаго, отъ троеволосаго, отъ двоєглазаго, отъ троеглазаго, отъ чернаго, отъ рыжаго, отъ бѣлокураго, отъ русаго, отъ дѣвки, отъ вологарызки, отъ бабы самокрутки (т. е. безъ благословенія родителей вышедшей за мужъ), отъ мужика отъ простака, отъ дыканца, отъ дьяконца, отъ пономаря,—пономарицы, отъ попа пѣтуна и всякаго колдуна помилуй мя. Аминь».

Если навяжется озорникъ-домовой, котораго не проймешь и чертогомъ, то дѣйствительно будетъ другое средство — заговоръ. Начинается онъ такъ же какъ и предыдущій до словъ: «въ восточной сторонѣ есть океанъ-море», а потомъ: «на этомъ океанъ-морѣ лежитъ бѣлъ златырь (алатырь?) камень, на этомъ камнѣ стоитъ Божій престолъ; на этомъ престолѣ сидитъ мать Пресвятая Богородица. Подойду я, рабъ Божій (имя), поближе, поклонюсь пониже: Матушка Пресвятая Богородица, есть у меня сусѣдъ-сусѣдушка, живеть онъ со мною не въ совѣтъ, не въ согласъ: на моего скота (такого-то) чинеть и пышетъ, щиплетъ, кусаетъ, съ мѣста на мѣсто гоняетъ, ни гдѣ мѣста не знаетъ.— Когда ты, рабъ Божій, подошелъ поближе, поклонился пониже, возьму я этого сусѣда-сусѣдушка, дерну въ дымъ на печной столбъ, спарю его, сжарю его, спорчу его, съезжу и за дверь его брошу. Аминь (читать три раза).

Подобнаго рода заговорамъ и «молтвами» богаты селенія луговой стороны Волги и Шексны, въ особенности уѣзды Пошехонскій Ярославской губерніи, Макарьевскій Костромской губерніи, Семеновскій и Макарьевскій Нижегородской и Царевкошайскій Казанской губерніи. Надо замѣтить, — тѣмъ дальше лежатъ селенія отъ великой русской рѣки; тѣмъ болѣе они отдалены отъ промышленныхъ и фабричныхъ центровъ, тѣмъ обильнѣе тамъ находимъ запасъ сверхъестественныхъ средствъ народной самозащиты. Особенно богато въ этомъ отношеніи населеніе Заволжья, т. е. тѣхъ мѣстностей, которыя разбросаны по незначительнымъ

притокамъ Волги и уходятъ въ лѣса, гранича съ окраинами дальняго сѣвера и востока Европейской Россіи.

Преданія уцѣлѣли не въ однихъ заговорахъ и заклѣтияхъ; они живутъ и въ формѣ сказанія. Но эти преданія уже не восходятъ въ глубь вѣковъ; они обнимаютъ собою событія не столь отдаленныя и повѣствуютъ объ историческихъ лицахъ и фактахъ,—фактахъ, которые не заходятъ далѣе XVI вѣка. Такъ, преданіе говорить о царѣ Иванѣ IV, его походѣ на Казань, взятіи татарскаго царства и пр. Но преданія Поволжья имѣютъ особую черту, свой отличительный характеръ и запечатлѣны духомъ и вліяніемъ мѣстныхъ условій. Понизовые Волги изъ старины служило широкимъ пріютомъ удачнымъ добрымъ молодцамъ, дикіе подвиги которыхъ были вмѣстѣ и предметомъ народнаго страха, и воспѣванія. Рязанцы пѣсни про этихъ богатырей шли отъ самаго сѣня моря, поднимались вверхъ по Волгѣ и разносились по ея притокамъ. Въ верхнемъ Поволжьѣ они уже замерли, но въ среднемъ они живутъ въ устахъ народа и переходятъ отъ отца къ сыну. Кромѣ Ермака, Разина, Пугачева и Копѣйкина народъ помнить и о другихъ удальцахъ, не только изъ среды народа, но и привилегированнаго сословія, изъ русскихъ дворянъ. Въ Казани рассказываютъ объ одномъ помѣщикѣ, который велъ свой родъ отъ норманскихъ рыцарей и жилъ въ двухъ верстахъ отъ Лаишева; какъ потомокъ благороднаго рыцарства, онъ построилъ себѣ домъ на подобіе замка и обвелъ кругомъ каменной стѣной; изъ этого помѣщичьяго замка шелъ подземный ходъ на рѣку Каму, откуда баринъ съ своими холопами дѣлалъ набѣги на пробѣжающихъ.

Особенною извѣстностью пользовалась въ Казанскомъ Поволжьѣ разбойница Авдотья. Эта дѣвица по складу своего ума и страстямъ очень близко стоитъ къ знаменитой Танькѣ Ростокинской. Она была атаманомъ шайки и выдавалась между своими товарищами необычайной свирѣпостью и неумолимой жестокостью. Ея сердце не знало никакой жалости: она снимала головы со всѣхъ, кто только попадалъ въ ея руки; не было у ней снисхожденія и къ своимъ товарищамъ, которые уклонялись отъ исполненія ея приказаній. Воля женщины-атамана была закономъ. Авдотью казнили на позорной площади.

Вблизи Казани, противъ озера Верхняго Кабана, по Оренбургской дорогѣ идетъ цѣль незначительныхъ горныхъ возвышеній, перерѣзываемыхъ ущельями. Одно

изъ такихъ ущелій связывается съ памятью о знаменитой разбойницѣ, и народъ называетъ его «Дунькина щель». Преданіе рассказываетъ, что когда-то озеро Кабань соединялось съ русломъ Волги, и шайки поволжской вольницы имѣли прямое сообщеніе съ притономъ, гдѣ «Дунькина щель». Свѣжа память въ народѣ о разбойникахъ послѣдняго времени, какъ Быковъ и Чайкинъ, которые никому не давали проходу и проѣзду по Казанской губерніи. Ихъ казнили въ 1847 году и скелеты стоятъ въ анатомическомъ театрѣ Казанскаго университета. Въ Нижегородскомъ Поволжьѣ много разсказываютъ о разбойникѣ Рузавинѣ, дѣятельность котораго относится уже къ шестидесятымъ годамъ текущаго столѣтія. Послѣ долгихъ разбоевъ, наводившихъ ужасъ на всѣхъ жителей и мѣстную администрацію, Рузавинъ вдругъ пропалъ, и всякіе слухи о немъ замолкли. Всѣ думали, что онъ умеръ, или переселился въ другія мѣста. Но одинъ изъ крестьянъ (мѣстныхъ) донесъ о Рузавинѣ, и удалецъ былъ схваченъ. Рузавинъ жилъ въ лѣсу, называемомъ Колтою, въ землянкѣ. Была тихая лѣтняя ночь; разбойникъ сидѣлъ передъ своей землянкой: надъ пылавшимъ костромъ вадешника висѣлъ желѣзный котелокъ, въ которомъ варился картофель. Пламя освѣщало фигуру Рузавина, и разливало свѣтъ по стволамъ деревьевъ и верхушкамъ кустовъ. Кругомъ царяла невозмутимая тишина.

— Вотъ онъ! раздался среди невозмутимаго покоя и тишины голосъ донощика, и тогда схватила Рузавина.

Преданія о разбойникахъ сдѣлались достояніемъ народной пѣсни. Жители Поволжья поютъ о Ермакѣ, Разинѣ, Соколовѣ и другихъ удалцахъ. Центромъ ихъ дѣятельности, по народной пѣснѣ, служатъ Каспійское море, Донъ и Волга. Вся эта вольница, не знающая границъ своей удали, поднимается снизу и идетъ къверху по Волгѣ и останавливается въ Жигулевскихъ горахъ; гдѣ-бы ни были молодцы, гдѣ ни гуляли, какіе города ни проходили, но непременно оканчивали Жигулевскими горами: и «Ермоѣй» Тимоѣевичъ съ своими товарищами, «старыми ковланъ и мазурушками», и «воръ, Коцѣйкинъ, съ эсауломъ Соколовымъ» и Степанъ Разинъ (приходятъ въ Жигули. Какъ видно по пѣснѣ, Жигулевскія горы служили не однимъ надежнымъ мѣстомъ для укрывательства буйныхъ головъ, но и стоянкою, мѣстомъ отдыха и созданія новыхъ плановъ. Особеннымъ вниманіемъ со стороны народа пользуется Разинъ: пѣсня говоритъ о немъ, что когда Сте-

панушкѣ минуло восемнадцать лѣтъ—и онъ, «Степанушка, думалъ думу крѣпкую не съ козаками, а съ голытьбою»; пѣсня слѣдитъ за дальнѣйшими подвигами героя и разстаетъ съ нимъ только тогда, когда ужъ не стало «батушка-атаманушка». Пѣсня воспѣваетъ и сына Разина. Вотъ какъ рисуетъ народная фантазія малаго Разина, появившагося въ Астрахани: «Дѣтинушка «Востро, щетко по городу похаживаетъ: Черный бархатный кафтанъ, за рукавъ его таскаетъ, Черну шляпу съ позументомъ на лѣвоѣмъ на ухѣ; Онъ зарбатскій кушачекъ на правой рукѣ несетъ; Онъ купцамъ и господамъ не кланяется, Онъ князьямъ и боярамъ челоу не бьетъ, Къ Астраханскому воеводѣ на судъ нейдетъ».

Воевода увидѣлъ съ крыльца не знамаго челоука, и велитъ своимъ слугамъ привести молодца. Находятъ молодца во царевомъ кабакѣ и приводятъ къ воеводѣ.

«Ужъ и началъ воевода крѣпко спрашивать его:

— Ты скажи, скажи, дѣтинушка, скажи чей, отколь:

Иль ты здѣшняго города Астрахани,

Иль ты съ Дона казачекъ, иль казацкій сынъ,

Иль со матушки Москвы ты купеческій сынокъ?»

Отвѣтъ молодца полонъ сознанія собственнаго достоинства:

— «Я не здѣшняго города Астрахани,

Я не съ Дона козакъ, не козацкій я сынъ;

Не со матушки Москвы, не купеческій сынокъ:

Я со Волги рѣки Степана Разина сынъ». *)

Не отказываетъ народъ во вниманіи и другимъ удалцамъ, имена которыхъ уже забылись. Пѣсня не ограничивается изображеніемъ отрицательной стороны характера своихъ героев, ихъ разбойничьихъ дѣяній; она передаетъ намъ о личныхъ чувствахъ этихъ людей и свидѣтельствуетъ, что и за покрытой кровью рубашкою билось въ груди челоуческое сердце. Вотъ «зашатался, загулялся удалый добрый молодецъ и не знаетъ куда преклонитъ свою буйную голову». — Какъ ни хороша воля, какъ ни потѣшилось молодецкое сердце, гуляя по свѣту, вспомнилъ молодецъ о своей родной семьѣ и закручинился, захотѣлъ побывать на родимой сторонѣ, чтобы хотя еще разъ взглянуть на близкихъ своему сердцу. И приходитъ онъ къ Дону тихому и проситъ перевощикова перевести его на свою сторону.

*) Въ «Собраніи пѣсень Кирѣевскаго» эта былина помѣщена, но отрывокъ, приведенный здѣсь, представляетъ нѣкоторыя новыя черты и особенности.

«Перевозу съ меня возьмите пятьдесятъ рублей,
Коли мало вамъ покажется, возьмите сто рублей.
Дайте, братцы, съ отцомъ съ матерью проститься,
Съ молодой женой и малыми дѣтками».

Всѣ эти пѣсни—пѣсни старинныя, по выраженію
самого народа; хранителями ихъ являются старики: они
помятъ пѣсни старины и поютъ ихъ старческими го-
лосами.—Нонѣ рѣдко услышишь такую пѣснь, говорилъ
мнѣ старикъ пѣвецъ:—старики умирають, а у молодого
народа свои пѣсни—новыя.

Новая пѣсня смѣняетъ старую, но смѣняетъ на вре-
мя: старая пѣсня замолкаетъ, она какъ будто совсѣмъ
уже забылась народомъ; но пройдетъ извѣстный проме-
жутокъ времени, и подобно тому, какъ юноша Шил-
лера, показывающійся съ золотымъ кубкомъ изъ мор-
ской бездны, такъ и она вдругъ вынырнетъ изъ захле-
снутыхъ ее волнъ жизни съ разказами о чудесахъ
прошлаго и снова дѣлается общимъ достояніемъ. На
пѣснѣ, болѣе чѣмъ на другихъ произведеніяхъ народнаго
творчества, отражается исторія народа, его ростъ и
неизбѣжно съ нимъ связанныя болѣзни и недуги. Род-
никъ народнаго пѣснотворчества неизсякаемъ, онъ бьетъ
живой струей; но эта струя не всегда чиста и прозрачна.
Новая пѣсня отражаетъ современную жизнь народа; она
близко стоитъ къ тѣмъ, кто ее слагаетъ; она лишена
спокойствія, объективности. Отъ того въ ней преобла-
даетъ лирической элементъ. Главнымъ мотивомъ совре-
менной пѣсни—чувство, любовь, ревность, измѣна и тѣ
радости и страданія, которыя ихъ сопровождаютъ.

Дѣвушка любить парня; она вся живетъ однимъ
этимъ чувствомъ, и весь міръ исполненъ въ ея глазахъ
предести и обаянія: журчащій ручей говорить дѣвушкаѣ
о ея миломъ, цвѣты съ зеленыхъ луговъ шлютъ ей
радостный привѣтъ, соловей въ густомъ саду поетъ
сладкія пѣсни про одну ея любовь. Настаетъ разлука;
вся прелесть жизни исчезаетъ: дѣвушкаѣ не милъ боль-
ше вольный свѣтъ, не милы отецъ съ матерью, ни
подружки голубушки. Она бѣжитъ въ темный лѣсъ,
ничего передъ собою не видитъ и не слышитъ; но вотъ
она взглянула внизъ, и увидѣла дорогу:

«По этой дороженькѣ
Троечка бѣжить;
Во этой-ли троечкѣ
Мой милый сидитъ.
Кричала, я кричала,
Милый не слыхалъ;

Платочкомъ махала,
Милый не видалъ;
Тяжело вздохнула,
Милый услыхалъ.
Кони-то вороны,
Никакъ не стоятъ;
Ямнички молоденьки
Не могутъ сдержать.

Уѣхалъ милый, и дѣвушка ждетъ не дождется, когда
онъ воротится; тихой, но глубокой скорбью вырываетъ
ся у ней жалоба на свое одиночество:

«Проходитка ты, лѣто теплое,
Лѣто теплое, осень холодная;
Надобло мнѣ жить безъ милаго!
Припаду я къ землѣ да послушаю,
Что не слышно-ли шуму, топоту,
Шуму, топоту, свисту, голосу.
Пойду, выйду я на дороженьку,
Погляжу я въ ту сторонушку,
Что не идетъ-ли дружокъ миленькій!»

Но милый не возвращается, и дѣвушка въ отчаяніи
произноситъ:

«Со тые тоски въ воду я кинуся,
Въ воду кинуся, въ пламя брошуся!»

Рѣдко встрѣчается, гдѣ въ такомъ положеніи стоялъ
бы парень: горе любви достается на долю одной дѣ-
вушки, а радости на долю молодца. Совершенно обрат-
ное мы видимъ въ положеніи мужа и жены; пѣсни
больше говорятъ объ измѣнѣ жены, чѣмъ мужа. Сто-
итъ только мужу съѣхать со двора, или куда отлу-
читься, какъ ужъ жена приглашаетъ къ себѣ дружка:

«Ты пожалуй, милый мой,
На широкій дворъ со мной!
Станови свою коня
Среди мого двора,
Близъ точенова столба,
Позлаченного кольца.
Ты пожалуй, милый мой,
Въ нову горенку со мной!» и т. д.

Случается, что мужъ неожиданно возвращается домой
и застаётъ гостя, котораго и слѣшнѣ выпроводить;
тѣмъ дѣло и кончается. Къ невѣрности жены мужъ
относится легко, даже какъ-то шуточно: выпроводилъ
молодца, и слава Богу! Но бываетъ и такъ, что невѣр-
ность со стороны жены разбиваетъ жизнь мужа, за-

ставляет его кинуть дѣдомъ и бѣжать, куда глаза глядятъ. Вотъ какъ одна пѣсня говоритъ:

«Отпадала вѣточка
Отъ сахарна деревца;
Отъбѣжаетъ молодець
Отъ отца, сынъ отъ матери.
Журила, бранила
Соловья канареечка:
— Братецъ-же, братецъ мой,
Соловей птица вольная!
Зачѣмъ-же ты, братецъ мой,
Не женатъ въ полѣ летаешь,
Твои малые дѣтонки
По чисту полю разбѣяны?»

И вотъ, что слышитъ въ отвѣтъ «Канареечка»:

— «Меня съ милой женой
Разлучилъ хищный соколъ».

Всякое явленіе текущей жизни, чѣмъ либо выдающееся изъ обыкновенной колѣи, дѣлается предметомъ народнаго пѣснотворчества. Жена убиваетъ мужа, и народъ славитъ пѣсню, сынъ убилъ мать—и опять пѣсня. При этомъ обозначается и время событія, указывается на мѣста и передаются мельчайшія подробности:

«Какъ въ селѣ Городицѣ,
Какъ у Спаса на концѣ,
Семка мать свою убилъ,
Не святымя онь духомъ,
Топоромъ обухомъ».

Другая пѣсня начинается съ момента событія и мѣста дѣйствій:

«Въ шестьдесятъ первомъ году,
Во Юркиномъ городу,
Съ краю въ третіемъ дѣмѣ,
У Никиты въ терему
Задавиль Захаръ жену;
Ея мамонька приходила,
Свою дочь не узнавала.
— «Ты Аксинья, дочь моя!
Не своей ты смертью умерла».
Во Катунки побѣжала,
Волостному объявляла;
Письмо-грамотку писала,
Балахонцамъ отсыдала».

Вотъ еще отрывокъ изъ одной пѣсни:

«У кунца было богатаго,
Солучилося несчастіе,

Что несчастіе безвременное,
Что жена мужа потеряла,
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала.

На ножикѣ сердце вынула,
На булатномъ сердцѣ вострепенулося.
Она, шельма, размѣхнулася,
Во холодный погребъ бросила
И желтымъ пескомъ засыпала,
Гробовой доской задвинула,
Рѣвнымъ ноженкамъ притопала,
Бѣлымъ рученькамъ прихлопала.
Набѣлилася, нарумянилася,
Она съла подъ окошечко,
Она съла призадумалась».

Есть пѣсни, въ которыхъ выступаютъ общественные дѣятели: старшина, староста и волостной писарь воспѣваются народомъ. Эти новые герои являются обирателями міра, спавающими народъ и творящими всякое зло и притѣсненіе. Замѣчательно, что такое непозитическое содержаніе облекается въ форму чисто эпическую. Проворовался сельскій староста, взяли мужики его подъ руки и повели въ волостное правленіе:

«Какъ возговорить тутъ сельскій староста:

— Мужички, мужички, не ведите меня въ волостное правленіе,

Ведите вы меня во царевъ кабакъ» и т. д.

Нѣтъ возможности исчерпать содержаніе народнаго пѣсни. Повидимому, мотивы пѣснотворчества однообразны, число ихъ ограничено и всѣ они указываютъ на горе и безталантность русскаго человѣка. На самомъ же дѣлѣ пѣсня отклоняется на всѣ звуки жизни, какіе та только способна издавать, повторяетъ ихъ и теряется въ разнообразіи вариаций.

Пѣсня становится насъ лицомъ къ лицу къ народу и вводитъ прямо въ его бытъ, съ его обычаями и обрядами.

Отголоски языческаго культа сохранились въ народныхъ празднествахъ. Бостромское Поволжье, Нижегородское и частью Казанское празднуетъ Ярилѣ, справляетъ Ивана Купалу, Авсень и Коляду, не говоря уже о такихъ праздникахъ, какъ масляница, семикъ, Троицынъ день и др., которые также носятъ на себѣ отпечатокъ язычества. Празднованье Ярилѣ совершается въ заговѣнье, передъ Петровымъ постомъ, какъ это мы видѣли въ Поволжьѣ фабричномъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно совпадаетъ со днемъ праздника Ивана

Купалы, а въ другихъ бываетъ во время лѣтней ярмарки, которая и называется «Яриловой ярмаркой». Характеръ праздника одинъ и тотъ же, что и въ Костромскомъ Поволжьи: тѣ же встрѣчи и проводы Ярилы, соединенныя съ выпивкою и гуляньемъ. Даже самое мѣсто, гдѣ происходитъ праздникъ, носить общее названіе: Ярилова плѣшь.

Очевиднѣ всего признаки языческаго культа выступаютъ въ слѣдующихъ праздникахъ, отъ которыхъ вѣсть чѣмъ-то юнымъ, какъ сама весна, во время которой они происходятъ, и производятъ они впечатлѣніе чего то новаго на зачумленного жителя столицъ...

Первымъ такимъ праздникомъ является семикъ. Онъ также свѣжъ и юнъ, какъ и тѣ дѣвушки, которыя его чествуютъ. Нарядныя, съ длинными густыми косами, вѣнками изъ живыхъ полевыхъ цвѣтовъ на головахъ, идутъ онѣ собирать хлѣбы, яйца и другія съѣстные припасы; двѣ изъ нихъ одѣты въ мужское платье. Послѣ сбора идутъ завивать березки и украшаютъ зеленые листья разноцвѣтными лентами. Передъ закатомъ солнца онѣ дѣлають яичницу. Едва ночь пахнетъ своимъ покровомъ, какъ дѣвушки берутся за руки, составляютъ непрерывную цѣпь и образуютъ олимпъ большой и обшій хороводъ, который и разольется своими пѣснями:

«Стой, дѣвичій караванъ.

Стой, не расходись!»

Въ Троицынъ день дѣвушки опять идутъ къ березкамъ и развиваютъ вѣнки. Затѣмъ начинаютъ водить хороводы; къ нимъ присоединяются молодыя женщины и парни. Главный припѣвъ пѣсни: Ю, ю—припѣвъ, указывающій на его древнее происхожденіе, съ прибавленіемъ: «Юкъ, юкъ, мое сердечко». Пѣсни и веселые крики не смолкаютъ во всю ночь.

Праздникъ Купалы совершается въ ночь на 24 іюня, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи онъ начинается съ перваго воскресенья послѣ пасхи и продолжается все лѣто до самой осени. Молодежь, парни и дѣвушки, собираются на свои любимыя мѣста и заводятъ игры и пѣсни; утренняя заря еще застаётъ веселье въ полномъ разгарѣ и выглянувшее за нею солнце, раскидывая вокругъ золотые снопы лучей, весело смотритъ на стройныя толпы разгуливающихъ съ пѣснями по селу. Купалу смѣняютъ «бесѣдки» или «вечерицы», которыя устраиваются послѣ уборки хлѣба и продолжаются до Рождества, а

въ другихъ селеніяхъ до масляницы. На эти бесѣды собираются дѣвушки и прядутъ пряжу, или что шьютъ, смотря по мѣстности. Работа сопровождается пѣснями, играми, въ которыхъ принимаютъ участіе и парни, приходящіе на бесѣды съ гармоникой и балабайкой. Есть селенія, гдѣ въ бесѣды не допускаютъ ребятъ, дѣвушки проводятъ время однѣ *).

Коляда занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди зимнихъ празднествъ и совпадаетъ съ христіанскимъ праздникомъ Рождества Христова. Наканунѣ новаго года, рано утромъ, женщины принимаютъ нечъ разныя фигурки, которыя называются колядками. Праздники открываютъ ребятами. Высыпая они гурьбой на улицу и побѣгутъ то къ одному, то къ другому дому и подъ окнами ихъ поютъ:

«Коляда, коляда!

Я тетерьку гоюю

Ко Григорьеву двору.

Какъ Татьяна пироги печла;

Какъ Григорій за пирогъ, —

А Татьяна скалкой въ лобъ.

Тетушка, лебедочка,

Подай кокурочку!»

Хозяйка дома выносить рѣшето колядогъ и одѣляетъ юныхъ пѣвцовъ.

Вечеромъ колядуютъ дѣвицы-невѣсты. Нарядно одѣтыя, въ сарафанахъ и шубкахъ, онѣ отправляются къ богатымъ домамъ и хоромъ начинаютъ:

«Какъ не Волга рѣка разливается,

Какъ не муравка трава разстилается,

Иванъ свѣтъ Семеновичъ на конѣ потѣшается,

Анна свѣтъ Васильевна передъ нимъ унижается.

— Иванъ ты, господинъ, ты не ѣзди въ Мораву,

Не служи королю, служи нашему царю:

Какъ у нашего царя,

Столбы точеные, позолоченые».

— Дома-ли хозяинъ? спрашиваетъ одна изъ хора.

— Подай денежку съ орломъ или копѣчку съ копеймъ! подхватываетъ за разъ весь хоръ.

Такъ справляется коляда въ Ягодинской волости Биягининскаго уѣзда и соедѣнныхъ съ ней, а въ селѣ Красномъ (Арзамасскаго уѣзда) и волостяхъ Кетовской, Чернухинской и ближайшихъ (Нижегородскаго уѣзда) дѣти вмѣсто коляды поютъ «Христось рождается». Однѣ

*) «Посидѣвни» безъ парней бывають рѣдко.

изъ мѣстныхъ пастырей церкви, по поводу такой замѣ- ны говорить: «Наставникъ, объясняя ученикамъ язы- ческое названіе коляды, ея безславіе для міра хриси- анскаго, убѣдилъ (чего не могъ сдѣлать съ церковной кафедры) пѣть вмѣсто коляды «Христосъ рождается»,— это новое прославленіе обрадовало всѣхъ жителей и невольно вызвало каждого домохозяина даже къ вознагражденію, прославляющихъ Рождество Христово маль- чиковъ», заключаетъ благочестивый пастырь *).

Въ тѣсной связи съ колядой находится Авсень-Та- усень, который также не забыть народомъ **). Дѣвушки расхаживаютъ по улицѣ и поютъ подь окнами, напередъ спросивъ у хозяевъ кому пѣть. Изъ она отвѣчаютъ:

— Дѣвѣт.

Тогда хоръ дѣвушекъ запѣваетъ:

«Посѣю-ли я маку цѣлу десятину,

Таусень!

Кому маку полоти,

Таусень!

Одна дѣвушка умненька:

Маковки не сорветъ,

Таусень!

Дѣвицы-невѣсты, въ сопровожденіи какой нибудь за- мужней женщины, также ходятъ по домамъ, но только гдѣ есть женихи и поютъ:

«Летала-же пава по синю морю

Таусень!

Перышки роняла,

Таусень! и т. д.

Парень—женихъ выходитъ къ дѣвицамъ, подкуетъ ихъ виномъ и угощаетъ разными сластями.

Какъ этотъ праздникъ, такъ и Купалу ведутъ сперва къ ладѣ, а потомъ и къ сватовству.

Независимо отъ коляды, святки справляются своимъ чередомъ, и проходятъ шумно и весело: гадаютъ, рят- дятся, устраиваютъ всевозможныя игры и поютъ свя- точныя пѣсни.

Кромѣ общихъ праздниковъ съ языческимъ характе- ромъ, существуютъ въ народѣ еще частные праздники, присущіе тому или другому селенію. Укажу на одинъ изъ такихъ праздниковъ.

Въ Нижнемъ, въ селѣ Кунавинѣ, знаменитомъ леген- дами особаго рода, съ половины прошлаго столѣтія

*) «Нижегородскій Сборникъ», т. 2-й.

**) Въ другихъ губерніяхъ, какъ напр. въ Тамбовской, *Авсень* празднуется весной, передъ самымъ посѣвомъ овса.

былъ учрежденъ *Козій празникъ*. Между многими пре- даніями, которыя сохранились о происхожденіи этого праздника, я приведу одно, очень распространенное и, по моему мнѣнію, передающее правду. Замѣчу, что, по сво- ему содержанію, оно сближается съ преданіемъ изъ клас- сическаго міра, и коза въ немъ играетъ такую же роль по отношенію къ Кунавину, какою играли гуси по отношенію къ классическому Риму. Разъ ночью, на колокольню въ селѣ Кунавинѣ забралась коза; расха- живая по площадкѣ, она запуталась въ веревкахъ, проти- нутыхъ отъ колоколовъ. Коза стала выбиваться изъ пѣны и произвела звонъ... Кунавинцы проснулись и видятъ пожаръ; бросились тушить и пожаръ кончился. Между тѣмъ звонъ продолжался. Пошли на колокольню, чтобы узнать, что за причина; взосли и увидѣли козу.

— Батюшки! чертъ залѣзъ...

Любопытные отъ страха назадъ. Коза по прежнему звонитъ. Что дѣлать? Выискали смѣльчаки, которые рѣшились прогнать черта съ колокольни. Поднялись и начали громко читать: «Да воскреснетъ Богъ». Коза не пропадаетъ.

— Крестомъ его, крестомъ!

Но и крестъ не помогъ.

— Пойдите-ка, да это кака-то животина забралась?

— И то. Подойдемъ-ко по ближе, поглядимъ.

Подшли и увидали запутавшуюся въ веревкахъ козу.

— Коза.

— Она и есть. Ахъ, Марья Ивановна! Такъ вотъ кто Кунавино-то спасъ?...

— Надо за это ее, матушку, почитать. Праздничекъ для нея устроить.

Таково происхожденіе праздника козы. Ежегодно, во второе воскресенье великаго поста, кунавинцы и ни- жегородцы празднуютъ день спасенія отъ пожара. Масса пѣшиходовъ, разныхъ экипажей наполняетъ Кунавино; въ домахъ идетъ пиръ горой и входы кабаковъ осаж- даются густыми толпами. Сама виновница торжества каждый разъ присутствуетъ посреди ликующихъ и бла- годарныхъ ей гражданъ: ее выводятъ на базарную пло- щадь; украсивъ рога лентами. Коза смиренно кушаетъ въ это время сѣнцо, и въ противоположность гусямъ, гордящимся своими предками, чужда всякой мысли, что она потомокъ тоже славныхъ предковъ, одному изъ ко- торыхъ Кунавино обязано своимъ спасеніемъ.

Заключу мои наблюденія Поволжья отъ Пучежа до

Казани передачу народных легендъ, которыя идутъ съ понизовья Волги.

На песчаномъ берегу, такъ называемомъ Казанскомъ устьи, я ждалъ парохода. Была сентябрьская ночь. Густая мгла обхватила Волгу и ея прибрежье; воздухъ насквозь былъ пропитанъ сыростью. Вся правая сторона рѣки крѣпко спала, и профиль вершины Услона, какъ мрачное привидѣнiе, чернѣлся вдаль; но правая сторона, гдѣ стояли разбросанные трактиры и балаганы съ разными товарами, не угомонила еще отъ ежедневной суеты: порою, на зыбучемъ пескѣ, колыхались толпы, раздавались отрывочные голоса и доносились грустная пѣсня... А внизу и вверху по теченiю рѣки какъ звѣзды, горѣли и мерцали огни: то свѣтились фонари на мачтахъ судовъ. За ними царил непроглядная тьма.

Я сидѣлъ на палубѣ баржи и слушалъ рассказы лодчмана:

«Есть на Волгѣ, Сюкеевскiя горы. Онѣ лежатъ не подалеку отъ г. Тетюшъ, на правомъ берегу рѣки. Въ тѣхъ горахъ--пещеры. Много народа ходитъ въ эти пещеры. Сперва человекъ идетъ подъ сводомъ во весь ростъ; потомъ сводъ понижается, и надо ужъ идти наклонясь. Пройдутъ сажень тридцать и остановятся передъ другой пещерой. Здѣсь свѣча гаснетъ. Чтобы видѣть эту пещеру, надо ползти. И кому удавалось проползти ее всю до конца, тотъ вотъ что видѣлъ: передъ нимъ открывалось впереди широкое озеро; у берега стояли лодки съ двумя веслами. Нужно взять только смѣлость и сѣсть въ лодку, а лодка ужъ сама поплыветъ и къ другому берегу, гдѣ зарытъ на сорокъ человѣческихъ головъ кладъ. Зарытъ тамъ кладъ Стенькой Разнымъ. Но донныѣ не выискивалось такого смѣльчака, который бы сѣлъ въ заколдованную лодку. Такъ кладъ и лежитъ больше двухсотъ лѣтъ безъ всякой пользы для русскаго народа».

«Ниже стоитъ сѣло Новодѣвичье; на горахъ. Одна изъ горъ зовется *Дьвией* горой. А называлась такъ она вотъ почему. Жила дѣвица, красоты невиданной; полюбила она парня, и любила его безъ ума, безъ памяти: всю душу она положила въ свою любовь. Недолго красавица пожила въ радости: кинулъ ее парень и зажилъ съ другой. Мало того: злодѣй сталъ издѣваться надъ прежней своей любушкой. Опротивѣла съ того часа жизнь красавицѣ, измучилась она вся, страдаючи по своему измѣнничку».

— Нѣтъ, говорить,—не хочу больше жить: любила

я его, чести и красоты своей дѣвичьей не пожалѣла для него, а онъ покинулъ меня; надругался и промѣнялъ на другую!

«И задумала она съ собою порѣшиться. Долго она думала, и не знала, какую себѣ смерть найти.

— Ежели я зарѣжусь, или удавлюсь, сказала:—онъ всетаки не спознаетъ, какую я черезъ него муку мученскую претерпѣла!

«Надумала однако. Нарядилась дѣвица въ бѣлое платье, и пошла на гору. Взошла на самую вершину горы, спустила свои густые длинные волосы; оглянувшись, заломила бѣлые руки и кинулась въ Волгу матушку.

«И по сейчасъ, когда свѣтитъ мѣсяць, видать на той горѣ дѣвицу въ бѣломъ платьѣ и съ распущенной косою».

«А еще ниже, противъ Самары, по близости села Подгоръ, есть большой ровъ. Верстахъ въ трехъ отъ рва идетъ тропинка. Когда случится кому идти той тропинкою, такъ слышитъ ужасные стоны. У кого хватало духу, тотъ подходилъ къ самому рву и весь содргался...

— Не подходи ко мнѣ, не подходи, гремѣлъ изъ рва голосъ.

«На самомъ днѣ рва сидятъ богатырь, и кругомъ него кипятъ зми и ужи; облепили они богатыря и жалятъ, сосутъ его тѣло могучее.

— Зачѣмъ ты подошелъ ко мнѣ? спрашиваетъ богатырь.—Пока гады не заслышатъ духу русскаго человека, они не такъ меня беспокоятъ; а какъ только заслышатъ русскiй духъ—и примутся меня жалять и мучить.

— Да ты что за человекъ?

— Я Степанъ Разинъ.

— Долго ли же ты будешь тутъ мучиться?

— А буду я мучиться до скончанiя мiра, ежели русскiй народъ не прозритъ».

Я слушалъ эти легенды и всматривался въ чернѣвшуюся даль. По прежнему мерцали по рѣкѣ огоньки, вокругъ все безмозествовало и на всемъ лежала непроглядная темь ночи... Доносилось только до слуха, какъ мучительно бились о берега волны великой русскаго рѣки, силясь вырваться на просторъ, и тихо стонали точно жалуясь на свое безсилiе...

III. Заволжье.

Я кончилъ съ Поволжьемъ. Теперь перехожу къ этнографiи притоковъ Волги.

Я посетил мѣстности, лежащія по рѣкамъ Шекснѣ, Унжѣ, Узолѣ, Окѣ и Камѣ. Если исключить побережье Оки, быть населенія котораго сходенъ съ бытомъ жителей Поволжья, то получимъ очеркъ жизни и нравовъ, главныя черты котораго будутъ общи всему населенію, разбросанному по берегамъ названныхъ рѣкъ. Но чтобы не разбрасывать въ массѣ подробностей, я ограничу свои наблюденія только Заволжьемъ: сюда войдутъ уѣзды Макарьевскій, Кологривскій, Ветлужскій и Варнавинскій Костромской губ., Семеновскій и Макарьевскій Нижегородской губ., мы познакомимся съ этнографіей селеній, расположенныхъ по берегамъ трехъ рѣкъ, лѣсамъ и удолямъ названныхъ уѣздовъ. Всѣ эти селенія за Волгой идутъ на сѣверъ и востокъ; отсюда названіе—Заволжья.

Въ первомъ отдѣлѣ моего очерка, я замѣтилъ, что Волга раздѣляетъ губерніи Ярославскую и Костромскую географически на двѣ части: югозападную, идущую по правому берегу, и сѣверовосточную—по лѣвому берегу. Это дѣленіе относится одинаково и до Нижегородской губерніи. Здѣсь я прибавлю, что такое же точно дѣленіе можно сдѣлать и въ этнографическомъ отношеніи.

Видъ Заволжья представляетъ громадное, почти необозримое пространство; все оно покрыто дремучими лѣсами, въ которыхъ медвѣди и олени составляютъ до сихъ поръ обычное явленіе; непроходимыя и обширныя болота тянутся на многія версты; озера, рѣки и ручьи встрѣчаются постоянно; берега, ложбины и удоля устьяны валунами и разными видами окаменѣлостей, свидѣтельствующими о юрской формации. Деревни и села, съ окружающими ихъ полями, изрѣдка встрѣчающіеся города дополняютъ видъ этой суровой и непривѣтливой мѣстности. Чѣмъ дальше удаляешься къ сѣверовостоку, тѣмъ рѣже и рѣже попадаются селенія. Между мѣстными жителями существуетъ поговорка, указывающая на глушь края: «Буй да Кадый чортъ три года искалъ». Въ исторіи заселенія этого края, какъ известно, участвовали три элемента: финскія племена, меря и черемисы и славяне. Первыми являются меря, за ними черемисы, отъ которыхъ не мало досталось первымъ; наконецъ, пришли славяне и приручили мерю и черемисъ, послѣ чего народность первой поглотилась славянской, а черемисы отодвинулись на востокъ, гдѣ и теперь ихъ можно встрѣтить въ незначительномъ числѣ въ Таншаевской волости и другихъ на границѣ Ветлуж-

скаго уѣзда съ Вятской губерніей. По вѣроисповѣданію населеніе раздѣляется на православныхъ и раскольниковъ всевозможныхъ толковъ. Грамотность стоитъ на самой низкой степени развитія, и чѣ большинство селеній кромѣ церковнаго причта и волостнаго писаря не найдешь человѣка, который бы умѣлъ читать. Въ расколичныхъ селеніяхъ грамотность больше развита, но далеко не представляетъ явленія преобладающаго. Языкъ народа богатъ особенностями, рѣзко отличающимися говоръ Заволжья отъ говора другимъ мѣстностей Россіи. Это мы увидимъ далѣе, когда перейдемъ къ народнымъ лѣснямъ и обычаямъ. Занятія жителей составляютъ хлѣбопашество, почти вознаграждающее труды, лѣсные промыслы и мелкія ремесла. Вліяніе лѣсопромышленниковъ на экономической бытъ населенія далеко не благоприятно. Слѣдующій разговоръ, который я велъ съ жителемъ г. Макарьева (на Унжѣ), лучше всего доказываетъ высказанное положеніе. — Мужички у насъ народъ простой и честный, говорилъ макарьевецъ. — Глухая сторона! Нигдѣ они, кромѣ Макарьева, почти не бывали. По веснѣ-то, какъ пройдетъ ледъ, стонитъ иной плотъ до Юрьевца, а тамъ и засѣлъ опять, и круглый годъ никого не видитъ. Живуть въ бѣдности: фабрикъ и заводовъ никакихъ нѣтъ... Глухая сторона. Недаромъ у насъ говорятъ: одно-то облачко упало, а другое надъ Макарьевымъ виситъ.

— Что же это означаетъ?

— А это—что народъ здѣсь темный. А вотъ весной то, съ плотами приходятъ сюда сверху Унжи—отъ Кологрива, Ветлуги, Вятки и другихъ мѣстъ, такъ тѣ мужички еще проще. Стонитъ мужичекъ плотъ-отъ къ Макарьеву, увидитъ тебя и спрашиваетъ: ты, добрый человѣкъ, макарьевскій? — «Макарьевскій». — «На-ка сосчитай, сколько у меня денегъ-то. Мнѣ купецъ за стонку далъ». — Вотъ какой народъ! Лѣсопромышленники и надувають же ихъ! Нарядятъ сверху-то согнать лѣсъ, скажутъ только: «гоните, ребята, деньги въ Макарьевъ отдадимъ». Тѣ и гонятъ. Пригнали, лѣсъ сдали, а хозяевъ запродали его и сами уѣхали. Только ихъ и видѣли. А другіе пригоняютъ лѣсъ въ Макарьевъ, по уговору; лѣсопромышленники говорятъ: «разсчета здѣсь не будетъ, гоните, ребята, съ молитвой въ Юрьевецъ или Пучежъ». Тѣ пригоняютъ туда, а тамъ опять то же самое: лѣсъ запроданъ, а хозяевъ самихъ и духъ простылъ. Онамеднись у насъ по Макарьеву артель, человѣкъ въ пятьдесятъ, ходила, милостыню собирала.

Пригнали они плоты-то, а расчета имъ хозяева и не дали.

— Значить, дѣсопромышленники сильно обижаютъ мужичковъ?

— Ничего, говорятъ, мужикъ обрстетъ.

— Обрстетъ?

— Да. Стриги, говорятъ, мужика три раза на году, онъ обрстетъ. Ну, и стригутъ!

Вотъ населеніе Заволжья, съ правами и обычаями котораго намъ предстоитъ теперь познакомиться.

Начнемъ съ обрядовъ рожденія.

Хотя земства и прилагаютъ свои попеченія о сохраненіи народнаго здравія, но пока ихъ старанія дальше добрыхъ намѣреній не идутъ, если не считать за реальное осуществленіе одной или двухъ бабокъ на уѣздъ, состоящей изъ 50—60 тыс. женщинъ. Обязанности бабокъ исполняютъ старухи крестьянки; онѣ называются повитухами. Едва новый человѣкъ узритъ свѣтъ Божій, повитуха кладетъ его въ корыто и начинаетъ мыть; затѣмъ, немедленно, принимается новорожденного парить, приговаривая: «паритца, гладитца (имя). Не хвтайся за вѣникъ, хвтайся за Божью милость. Выростешь большой, будешь въ золотѣ ходить, будешь въ серебрѣ ходить, будешь бабушекъ да мамушекъ дарить».

По окончаніи этой операціи, вѣроятно, очень чувствительной для новаго человѣка, такъ какъ за все время паренья, младенецъ оретъ благимъ матомъ, — «бабушка» свиваетъ ребенка и снова причитаетъ:

— «Озепишно, уроцишише, поди отъ раба (имя)».

Последнія слова произносятся съ тою цѣлю, чтобы кто не сглазилъ новорожденного (*не озепалъ*), уроки — бы не паша *), *утишина* бы не взяла.

Черезъ два, три дня ребенка крестятъ, послѣ чего воспріемники отправляются въ домъ отца крестника, гдѣ и предлагается угощеніе, состоящее изъ водки и каши. Ребенокъ передается бабкой матери, а послѣдняя, если пора рабочая, передаетъ нянькѣ, дѣвочкѣ лѣтъ девяти или десяти, на попеченіе и подъ присмотромъ которой ребенокъ и остается до тѣхъ поръ, пока перестанетъ нуждаться въ чужой помощи. Ребенокъ долженъ переносить все: перенесетъ — такъ будетъ жить, а не перенесетъ — умирай, слезъ будетъ немного. До восьми—десяти лѣтъ, т. е. до того времени, когда юный членъ семейства можетъ сколько нибудь помогать въ работахъ

отца, на ребенка не обращается никакого вниманія. Говорятъ, что отецъ иногда забываетъ, какъ зовутъ его ребятишекъ. Въ эту пору нѣжнаго возраста на мать возлагается только одна нравственная обязанность: изъ всѣхъ силъ сдерживать себя, не бранить своихъ дѣтей чертомъ и не посылать къ черту. Въ противномъ случаѣ дитя будетъ утащенъ нечистою силою.

Любимыми забавами дѣтей бываютъ слѣдующія игры: шаромъ, мячикомъ, въ бабки (козанья), лошадки и др. Но дѣвочки большую частію играютъ только въ стрипію: разводятъ глину и приготавливаютъ изъ нея различныя печенья. Когда игра бываетъ общая, то малыши устраиваютъ свадьбы, съ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которыхъ держатся взрослые. Свадьбы эти улаживаются такимъ образомъ: мальчишъ выбираетъ себѣ невесту (обыкновенно устраиваютъ нѣсколько паръ), тутъ бываетъ и вой невесты, и пріѣздъ жениха, и пиръ; по окончаніи всего отправляются въ шалашъ, сдѣланный заранѣе мальчишками, тамъ молодыхъ укладываютъ спать тѣ, которыя играютъ роль свахъ. Особыхъ пѣсенъ у дѣтей нѣтъ, а поютъ онѣ тѣ пѣсни, которыя слышатъ отъ взрослыхъ.

Среди этой простой обстановки незамѣтно подрастаетъ молодежь, и прежніе малыши обратились въ парней и дѣвочъ. Послѣ уборки льна, начинаются посидѣлки. Нанимается особая изба, и первый вечеръ открывается пиришествомъ, которое состоитъ изъ дешевыхъ лакомствъ и, нерѣдко, водки. На посидѣлки собираются дѣвушки и парни: первыя являются съ работою, а вторыя съ гармоникой и балалайкой. Весь вечеръ проходитъ въ пѣняхъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бываютъ и пляски. Но съ наступленіемъ святокъ, характеръ посидѣлокъ измѣняется, и самыя посидѣлки уже называются *бесѣдками*. Къ пѣснямъ присоединяются игры, разныя представленія и ряженые. Дѣвушки по прежнему являются съ работою, но никто ничего не дѣлаетъ. Въмѣсто лучины изба освѣщается двумя, тремя салными свѣчами. Дѣвки сидятъ на лавкѣ и пощелкиваютъ подсолнечныя семечки; около нихъ — парни; палаты и печь наполняются ребятишками, которыя, свѣсивъ годовенни, съ любопытствомъ слѣдятъ за ходомъ святочныхъ забавъ; изъ-за перегородки выглядываютъ старческія лица и тихо улыбаются. Дѣвки и парни запѣваютъ:

«Ишо кто у насъ не женатъ?

Розанъ мой, розанъ, виноградъ зеленый!»

* Лихорадочное состояніе.

При этих словах пѣсни встаетъ парень и начина-
етъ ходить по избѣ. Пѣсня продолжается:

Кто гуляетъ холостой?

Розань мой, розань, виноградъ зеленый!

А Иванъ-отъ не женать,

А сынъ Петровицъ не женать;

По цисту полю гуляетъ,

Ярво поле глядитъ,

Ярую пшеницу.

Выбирай дѣвицу».

Парень беретъ за руку дѣвку, которая ему по душѣ,
и ходить съ ней до конца пѣсни:

«Еще вышелъ указцъ

Цѣловаться двѣсти разъ,

Полтора ста на заказъ».

Тутъ молодчикъ обнимаетъ дѣвущку и цѣлуетъ ее,
сколько ему будетъ угодно. Эта игра носить название
«женить» и продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ парни
не выберутъ себѣ по дѣвицѣ.

— Давайте тушить столбушку! раздается голосъ.

Тотчасъ же кто нибудь изъ парней подходитъ къ
столбу, подпирающему палаты, и говорить:

— Столбушка загорѣлась. Марша, ступай тушить!

Дѣвущка подходитъ и парень цѣлуетъ ее шесть разъ,
причемъ рукамъ своимъ даетъ полную волю. Нескром-
ность парня не вызываетъ ни малѣйшаго протеста со
стороны дѣвицы, наоборотъ, кто застѣнчивъ, о томъ
дѣвки отзываются такъ: «що за парень, ни разу и не
хватить».

Игры продолжаютъ, смѣняются хороводами и пля-
сками. Хороводъ поетъ:

«Заря моя вечерняя,

Игра, гульба веселая.

Стали играть, разыгрывать,

Меня младу свекровь кричить:

«Сноха моя, боярыня,

Поди домой, послушайся».

Ой, я, младая, не шла домой, не слушалась,

Игры, гурьбы не портила,

Подруженекъ не гнѣвила.

Мила дружка утѣшила.

Заря моя вечерняя (снова также до «меня младу»)

Меня младу лада зоветъ (мужь):

«Иди жена, боярыня,

Иди домой, послушайся».

Ой, я, младая, пошла домой;

Пошла домой, послушалась;

Игру гульбу попортила,

Подруженекъ разгнѣвила.

Одна пѣсня слѣдуетъ за другой, звуки балалайки сли-
ваются съ гармоникой, и изба дрожитъ отъ молодецка-
го топота.

— Ряженые, ряженые!

Показались два парня въ берестяныхъ маскахъ и съ
деревянными лопатками въ рукахъ; они подходятъ то
къ той, то къ другой дѣвицѣ и спрашиваютъ:

— Сколь набить аршинъ набойки?

Дѣвка говорить. Ряженный бьетъ ее по спинѣ лопат-
кой столько разъ, сколько она пожелала себѣ аршинъ
набойки.

— Съ сушеною рыбой! Кому сушеной рыбы? кри-
читъ новый ряженный, держа за спиной пару сухихъ
лаптей.

Требованіе сушеной рыбы удовлетворяется точно та-
кимъ же образомъ, какъ набойка: ряженный бьетъ лап-
тами дѣвокъ по спинѣ и чему полагало.

Въ избѣ крикъ и хохотъ.

Влетаетъ еще ряженный, это — *наездникъ*. Онъ съ на-
гайкой и дугой, перекинутой черезъ плечо, бѣгаетъ и
хлещетъ нещадно дѣвокъ, такъ что всѣ убѣгаютъ, и
изба остается совершенно пустою. Появленіе новыхъ
ряженныхъ собираетъ разбѣжавшихся, и въ избѣ снова
начинаются представленія и шутки ряженныхъ. Къ чис-
лу самыхъ любимыхъ сценъ, которыя разыгрываютъ
на святочныхъ бесѣдахъ, относится сцена подъ
названіемъ: «Аюонька новый и баринъ голый». Это—
діалогъ, который ведется между бариномъ и его слугою,
Аюонькой, и есть ничто иное, какъ сатира на старый
помѣщичій бытъ. Въ ней изображается типъ барина и
его отношенія къ своимъ крестьянамъ, у которыхъ
хозяйство доведено до такой степени совершенства, что
хлѣбъ въ полѣ стоитъ «колосъ отъ колоса, не слышать
человѣчьяго голоса», изъ рогатой скотины только «та-
раканъ да жужелица» и т. д. Къ сожалѣнію, народная
сатира, по формѣ изложенія, такъ мало *литературна*,
что дѣлать изъ нея извлеченія положительно не удобно.
То же самое нужно замѣтить и относительно большин-
ства святочныхъ представленій, которыя возбуждаютъ
въ зрителяхъ такой искренній восторгъ, какового не мо-
жетъ у образованнаго человѣка вызвать ни одна изъ
первоклассныхъ комедій.

Въ продолженіи вечера дѣвущки не разъ выбѣгаютъ

на улицу и гадают. Онъ смотрятъ черезъ потный хомутъ, только что снятый съ лошади, въ зеркало, чтобъ увидѣть суженаго. Вытаскиваютъ изъ кучи дровъ полѣно, и если оно суковато, то суженый не хорошъ на лицо и сварливъ; если же полѣно гладко, то суженый и красивъ, и добръ, и обходителенъ. Приносятъ курицу въ избу; ставятъ передъ ней воду и сыпятъ зерна овса или пшеницы. Если курица начнетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница, если станетъ ѣсть зерна и торопиться—будетъ непремѣнно обжора; если же будетъ ѣсть умѣренно, то—хорошій мужъ. Берутъ два зеркала и выходятъ на улицу; одно зеркало стекломъ обращаютъ къ мѣсяцу, а другое къ стеклу перваго и смотрятъ во второе зеркало. Сколько изображений луны получатся, столько будетъ дѣтей. Выходятъ на перекрестки, чертятъ кругъ первымъ огаркомъ, т. е. который остался отъ первой сгорѣвшей свѣчи, или лучины въ тотъ вечеръ, въ который происходитъ гаданье, становятся въ этотъ кругъ и слушаютъ. Если гадальщица услышитъ стукъ топора, — въ текущемъ году должна умереть; если стукъ молота о наковальню, то ей жить богато; если звонъ колокола, то ей умирать; если же звонъ колокольчика, то выйдетъ замужъ.

Святки миновали — и опять возвращаются къ посидѣлкамъ, которыя оканчиваются съ наступленіемъ масляницы. Масляница проходитъ въ ѣдѣ блиновъ, катаньи съ горъ и на лошадяхъ и заканчивается сжиганіемъ соломенной куклы или костра. Въ началѣ весны первый дождь встрѣчается парнями и дѣвushками пѣсню:

«Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ!»

Въ семикъ дѣвushки отправляются въ лѣсъ завивать березку. Они приносятъ съ собой козули (круглыя лепешки), яйца, масло, сметану и т. п. Придя въ лѣсъ, завиваютъ на березѣ кольца, сквозъ которыя дѣлаются одна съ другой, приговаривая:

— «Здравствуй! кумъ и кума, березку завивши!»

Завивая березу, онѣ поютъ пѣсню о березынькѣ; потомъ водятъ хороводы и заключаютъ празднество уничтоженіемъ всего съѣстнаго.

Перехожу къ свадебнымъ обычаямъ.

Бракъ у всѣхъ жителей Заволжья освящается церковью, кромѣ раскольниковъ, у которыхъ таинство за-

мѣняется «родительскимъ благословеніемъ» и жениха съ невѣстой въ церковь не возятъ. Есть свадьбы, имѣющія двойственный характеръ, собственно свадьбы и вѣчнания. Вѣчнание предшествуетъ свадьбѣ. Послѣ сговора, жениха съ невѣстой ведутъ прямо вѣчать. Изъ церкви новобрачные ѣдутъ въ домъ отца молодаго, гдѣ бываетъ обѣдъ или ужинъ. Затѣмъ, молодой провожаетъ свою жену въ домъ родителей ея, гдѣ она и остается на недѣлю, двѣ и болѣе. Тутъ уже и начинается свадьба: пойдутъ пиры, дѣвичники и т. п. Во все это время между молодыми не существуетъ никакихъ супружескихъ отношеній, и они называются *женухомъ* и *невѣстой*. Такой обычай существуетъ въ южной части Макарьевского уѣзда Костромской губернии и Семеновскаго—Нижегородской. Есть еще обычай, извѣстный подъ именемъ «самокрутки», который встрѣчается въ уѣздахъ Семеновскомъ и Пошехонскомъ. Если родители дѣвushки не соглашаются на бракъ дочери, то дѣвushка убѣгаетъ и тайно обвѣнчивается съ возлюбленнымъ. Къ подробному ознакомленію съ этими обычаями я еще буду имѣть случай возвратиться, а теперь остановлюсь на свадебныхъ обычаяхъ, которые наиболѣе общи всему Заволжью.

Посидѣлки, бесѣдки и хороводы даютъ возможность парнямъ и дѣвкамъ знакомиться другъ съ другомъ и «заводить любовь». Но этого оказывается недостаточно. Въ зимнее время устраиваются, такъ называемые, «сwoзы»; для сwoза избирается преимущественно ближайшее село, гдѣ бываютъ базары, и затѣмъ уже деревни. Сwoзы состоятъ въ томъ, что на улицу собираются дѣвushцы, а парни прѣзжаютъ на лошадяхъ. Здѣсь молодецъ высматриваетъ себѣ суженую; то же дѣлаетъ и его мать.

Въ 18 лѣтъ почти каждый парень старается жениться; главный мотивъ — имѣть лишнюю работницу въ семьѣ. Когда какаянибудь дѣвка приглянется, парень проситъ свою мать (отца никогда), чтобы она засылала сваху; мать подговариваетъ одну изъ своихъ близкихъ родственницъ отправиться свахой, такъ какъ специально занимающихся сватовствомъ женщинъ нѣтъ.

Сваха приходитъ въ домъ приглавленной парню дѣвки и, обращаясь къ матери послѣдней, говоритъ: «у тебя есть товаречь, у меня—дупечь», или «у тебя есть невѣстка, а у меня женишекъ»; если мать желаетъ выдать свою дочь, то говоритъ: «милости просимъ», а если нѣтъ, говоритъ: «у меня не отдажная». Когда

сваху услышитъ привѣтъ: «милости просимъ», то, не выходя изъ избы, дѣлаетъ договоръ о выкупной цѣнѣ и приданомъ. Выкупъ, «кладка» или «выводъ» бывають различны, смотря по состоянію невесты и жениха: отъ 20 до 50 рублей.

На другой день является женихъ съ своими родными на «смотрины»; приноситъ съ собою вино и подарки невестѣ. Женихъ, невеста и нарѣченные сваты садятся за столъ и договариваются снова о приданомъ и выкупѣ. Договоръ заключаютъ битьемъ по рукамъ и ~~подчачи~~емъ. Отецъ жениха, по окончаніи ~~подчачи~~я, налиываетъ своего вина и подаетъ отцу невесты. Невѣста, какъ увидитъ, что отецъ подноситъ свату вина, начинаетъ выть:

«Не заручай меня, батюшка, не давай своей правой руки цюжому цюжаннуну: цюжой отецъ и мать уродились они безжеланные. Не пей, кормилецъ — батюшка, ты царю зелена вина: зелено вино обманчиво. Ты пропьешь меня молодешеньку, зеленымъ зеленешеньку, ровно травинку недорослую, ровно ягодку недоспѣлую, ровно пашеньку нездорѣлую. Сожнешь пашеньку — не выпѣть, сорвешь ягодку — не возрѣть, скосишь травинку — не выростеть: то и мнѣ, молодешенькѣ, не вырасти, не вымужать, съ могутой силой не справитца. Во цюжихъ людяхъ надо жить то умѣючи: надо всякому уноровить, старому и младому, и холостому — не женатому; надо старому для старости, а младому то для младости, холостому для женитьбицы, удаду добру молодцу для удалости».

Въ невестахъ (въ «сговоренкахъ») дѣвица бываетъ недѣли двѣ; у нея ходятъ подружки, помогаютъ ей шить приданое и пють пѣсни, сама «сговоренка», каждый день, раза три, четыре, уходить за перегородку, гдѣ у нея стоитъ коробка съ приданымъ и воетъ:

«Ишо що (цо) я, молодешенька, зауныла, заумолкнула, сижуци призадумалась, цюжихъ басенокъ принаслушалась. Хороши ваши басенки, хорошо больно и слушать, какъ безъ горя, безъ круцинушки, безъ пичияли великія; у меня же молодешеньки много горя и круцинушки, и пичияли великія: що первое горѣ — круцина — молодешеньку замужъ даютъ, ровно травинку нездорѣлую, ровно ягодку недоспѣлую» и т. д.

Невѣста воетъ одна, а иногда ей помогаетъ въ этомъ трудѣ любимая подружка. Если же сама невеста не умѣетъ выть, то нанимають особую женщину, специалистку, по части выть.

За день до вѣчанья, сговоренка обращается къ подругамъ:

— «На деорѣ день вицерьется, красно солнышко закатается, добры молодцы коней поять, красны дѣвушки воду посятъ. Истопите, мои подруженьки, истопите, мои голубоньки, про меня баньку-мыленьку въ достальныя, въ послѣднія во душахъ красныхъ дѣвушкахъ!»

Невѣста съ подругами собирается въ баню. Тутъ она воетъ:

— «Дай, кормилыча-матушка, виницговъ парочку, да мыльча кусоцигъ!» Какъ только выйдутъ на улицу, невеста причитаетъ:

— «Свитить свитягъ мисяцъ; свити, мисяцъ, непроสวิчивай, не запнуця-бы мнѣ молодешенькѣ за билаы свѣжны грудинки, не сронить-бы дивью красоту, мнѣ песную воспохвальную. Растворись ты, баня порушка, пропусти молодешеньку мнѣ помытца, попаритца въ достальныя, въ послѣднія во душахъ красныхъ дѣвушкахъ!»

Въ банѣ болѣе смѣлая и бойкая изъ подругъ (а случается и женщина) причитаетъ сговоренкѣ:

— «Достальная банька постная, а потомъ будутъ молошныя. Парься усокъ, глатца усокъ, завтра усокъ, дадутъ мяса кусокъ».

Дѣвицы въ банѣ пьютъ вино и пиво. Когда пойдутъ отъ бани, невеста завоетъ:

— «Раскатися, баня-поруша, до послѣдняго бревнушка! Ты разсыпшя, каменка, до послѣдняго камешка! Смыла дивью красоту, мнѣ песную воспохвальную».

Воротившись домой и подойдя къ снѣмамъ, она проситъ брата:

— «Отвори, братецъ-батюшка, свою новую горенку, ты пусти, молодешеньку, въ свою новую горенку, въ свитлую свитлицю; прищипало у меня, младешеньки, мои рѣзвыя ноженьки!»

Братъ отворяетъ дверь, но подруга тотчасъ же опять затворяетъ. Тогда невеста обращается къ снохѣ:

— «Отвори, сноха милая, свою свитлую горницу» и т. д. — «Отвори, кормилецъ-батюшко, свою свитлую горницу» и т. д. — «Отвори, родима матушка, свою свитлую горницу» и т. д. Мать отворяетъ дверь и невеста съ подругами входитъ въ избу.

— «Благодарю, кормилыча-матушка, за баньку за порушу въ достальныя, во послѣднія. Смыла дивью красоту, да песную воспохвальную».

Въ тотъ день, когда бываетъ у невесты баня, при-

ѣзжаетъ свадебный поѣздъ жениха къ невѣстѣ съ *запасомъ* (съ гостинцами). Какъ только все гости усадутся, невѣста начинаетъ причитать:

— «Що за пирь, за бисидушка, що за гости: али званые, али жданые? Я не знаю, молодешенька, да пюжіе цюжанины».

Родители невѣсты обносятъ дарами родныхъ жениха (платками и полотенцами); невѣста причитаешь:

— «Не прогнѣвайтесь, кормилицы-батюшки, на мои дары скудные, на мои дары бѣдные!»

Послѣ даровъ, гости поднимаются домой; невѣста обращается къ отцу жениха:

— «Ты скажи, цюжой цюжанинъ, своему сыну: не слуга ему я вѣрная, не посылочка скорая; посылать станеть, не дождетца, а и дождетца, такъ правды не скажу».

Женихъ съ поѣздомъ (гостями) уѣхали; невѣста обращается къ своей матери:

— «Ишшо ходитъ, кормилица-матушка, на великихъ на радостяхъ, ты меня избываюци, за небеса хватаючи, до полу не притыкаючи».

На слѣдующій день, назначенный для вѣнчанья, невѣста встаетъ вмѣстѣ съ послѣдними пѣтухами и завоетъ, еще не умываясь:

— «Пѣтухи ли вы пѣтухи, деревенціе обужатели, на шо рано вы поете, меня млада будите? Шо мои то кормилицы, ище спятъ-то, желанные, на великихъ на радостяхъ. меня-то они избываюци, меня они изживаючи. Ужъ какъ мнѣ-го, молодешенькѣ, мнѣ седняшняя ночь не спалась, не лежалася; мнѣ успалося малешенько, мнѣ свидлося многошенько, мнѣ привидилася пристрашный сонъ!...»

Передъ самымъ прїѣздомъ жениха за невѣстой къ вѣнцу, сговоренная сидитъ съ подругами за занавѣскою; она обращается къ родному брату:

— «Подступись, братецъ-батюшко, ты ко мнѣ въ занавѣсточку, на горемышную лавоцку».

Братъ приходитъ и даетъ деньги въ подарокъ («на слезы»). Затѣмъ невѣста обращается ко всемъ своимъ роднымъ съ такими же словами, какъ и къ брату. Къ матери воетъ:

— «Ишшо шо, кормилица-матушка, младешеньку замужъ дайте, зеленешиньку сбирайте? Али я вамъ не работница, али я вамъ не помощница? Али ты, кормилица-матушка, нигдѣ меня нехватишься? Какъ придетъ лѣто теплое, работа тяжелая, ты пойдешь, кормилица-

матушка, на работу тяжелую, не увидишь, кормилица-матушка, впереди ты поглядюцку, подешь да оглянешься, позади нѣтъ постижечки, худыя работницы: ты тогда меня ихватишься». Раздаются колокольчики и бубенцы: то поѣздъ жениха подѣзжаетъ къ дому невѣсты.

— «Що не пылъ запылилася, не туманъ затуманился, голосить невѣста: запылилася путь дороженька, затуманились добры кони, добры кони Ивановы. Завали-ка, братецъ - батюшко, ты путь ту дороженьку; запри-ка ты свой теплый дворъ: не пройти бы, не проѣхати, шо цюжому цюжанину, цюжему сыну отеческому, съ своимъ родомъ племению. Ужъ вы выдте-ка, подруженьки, на батюшковъ широкий дворъ, на матушкинъ красенъ крылечъ; поглядите-ка, подруженьки, на цюжого цюжанина: не по холопски-ли съ коня встаетъ, по писаному ли крестъ кладетъ».

Дружка (шаферъ жениха) первый сходитъ съ телѣги и отправляется въ избу, а остальные гости ждутъ на улицѣ приглашенія. Когда дружка идетъ въ избу невѣсты, то приговариваетъ:

— «Я по улицѣ иду, грудюцки разбрасываю, Иусову молитвувторю: «Господи Иусе Христе, помилуй насъ»; по синецкамъ иду, Иусову молитву творю «Г. І. Х.» и т. д.; по мосту иду, по калинову, Иусову молитву творю и т. д.; за скобу берусь, за луженую берусь, я дружка молодой. Сватушка молодой, свахонька молодая, сами-ли вы двери отворите? (говорятъ изъ избы: «Господь благословить, самъ отвори»). Двирецки отворю, на пята становляю, черезъ порогъ шагаю, по полу иду, по зыбцему иду, Иусову молитву творю «Г. І. Х.», и т. д. «Стану я передъ Спаса образа, передъ мать присвятую Богородицю, кетися правѣя рука, поклонайся буйнѣя голова! Ждали-ли вы седнишній день гостей, варили-ли штей? Нашего князя новобрашнаго прїѣхалъ добрый поѣздъ, весь скрученъ, изнаряженъ и по саноцкамъ запряженъ. Есть-ли палати намъ класть халаты, есть-ли полици намъ класть рукавицы, есть-ли кроки намъ класть кнуты, есть-ли спици свахамъ вышати кщичи? А мнѣ, дружкѣ молодому, пожалуйте скаменцку дубову, нашимъ добрымъ конямъ дайте сѣно по колѣно, а овса по шшотки. Принимайте нашего князя новобрашнаго». Отецъ и мать невѣсты берутъ икону, хлѣбъ и соль и просятъ гостей пожаловать въ избу.

Невѣста причитаешь:

«Що идетъ-то дружка хоборзко, говорить-то дружка говорко. Не пугай-ка меня, млада; безъ тебя я напу-

гана испугалъ кормиличъ-батюшка со кормиличей-ма-тушкой, онъ своей-то правой рукою».

Женихъ и побѣжденные входятъ.

Гости занимаютъ мѣста по указанію дружки. На почетномъ мѣстѣ (подъ образами, въ переднемъ углу) рядомъ съ женихомъ, по правую руку его садится тысяцкій (отецъ посаженный); на второмъ мѣстѣ (рядомъ съ женихомъ по лѣвую руку), большой баринъ (близкій родственникъ) и т. д.; всѣ занимаютъ мѣста, смотря по родству. Когда всѣ гости усядутся по своимъ мѣстамъ, дружка беретъ пирогъ, привезенный съ собой и рѣжетъ, потомъ наливаетъ вина и, обращаясь къ отцу невѣсты, который бываетъ не за столомъ, какъ и всѣ родные невѣсты, говоритъ: «Господи Ісусе Христе, помилуй насъ! Сватушко молодой, свахонька молодая, по-выйдите, повыступите по край пола выбучаго, станьте передъ насъ на ноженьки стамучія. У насъ ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, цаша съ питьемъ, языкъ съ целобитьемъ, цаша того, кто любитъ его (жениха), цаша тѣхъ, кто (говорятъ: фто) любитъ всѣхъ, цаша деревянная, въ цашѣ питья медвяныя, цаша соловецкая, въ ней питья примолодечкія. Извольте, сватушко, выкушать на доброе здоровье, ровно маслице коровье, ретиво сердце окатить, буйную головушку взвеселить, горе круцинушку на радость положить; не горюйте о матушкѣ о своей (называется имя невѣсты). Когда угощеніе кончится, дружка говоритъ отцу невѣсты: «Ну, сватушко, давай намъ товарищъ, а мы тебѣ денежки». Тысяцкій отдаетъ деньги отцу невѣсты, а дружка отправляется за невѣстой, которая во все это время сидитъ завѣшанная за перегородкой. Пробираясь между гостями и зрителями къ невѣстѣ, дружка говоритъ: «Г. І. Х., помилуй насъ! порадайтесь, порадастунитесь: постарѣ дядюшки, помоложе братчи-батюшки,—пѣстарѣ тетюшки, помоложе красны дѣвицы, криношныя блудничі, горшешныя пагубничі, щобы мнѣ, дружкѣ молодому, на ножку-бы не вступить, цюлоцка-бы не замарать, башмацка-бы не проломить. У меня, дружки молодого, глаза завидушиши, ноги загребушиши, руки захватушиши, за п....ку-бы не хватить, бѣдушки бы не нажить, безцестья бы не заплатить».

Подойдя къ невѣстѣ, дружка говоритъ: «ну кормилица, оболокайся!», и подаетъ ей рюмку съ виномъ; на днѣ рюмки положена серебряная монета; невѣста вино выливаетъ въ платокъ (иногда отдаетъ подругѣ), а монету беретъ себѣ (на слезы) и тотчасъ начинаетъ вытѣ:

«Не прошу, кормиличъ-батюшко, я ни злата ни серебра, прошу, кормиличъ-батюшко, благословенія великаго!» Отецъ благословляетъ и передаетъ свою дочь дружкѣ. Дружка выводитъ невѣсту къ столу, гдѣ сидятъ гости.

Дѣвицы поютъ:

Выводы, выводы,
Дороги славны выводы!
Выводилъ государь-батюшко,
Съ середи подь окошечко,
Съ горемычнаго мостицка;
Онъ сдалвалъ гостямъ на руки
Одному гостю на вѣки,
Ивану-то Трофимовицю.
Добро тебѣ живовать,
Удалой добрый молодець,
Щѣ Иванъ да Трофимовищъ,
Со душой красной дѣвичей
Да Варварой Семеновной.

Невѣста подходитъ къ столу и причитаетъ:

«Кстисъ права рука, поклоняйся, буйна голова, на всѣ на четыре стороны. Вы здорово, гости любезныя, не всякому наймѣ (по имени), вамъ всѣмъ вообще низкій поклонъ».

Женихъ приближается къ невѣстѣ, цѣлуетъ ее и беретъ за руку; дружка сажаетъ жениха и невѣсту за столъ, на положеный на лавкѣ войлокъ; но ни женихъ, ни невѣста не хотятъ садиться, чтобы не пришлось сѣсть первому, тогда не будешь власти имѣть. Когда, наконецъ, усядутся, женихъ старается наступить невѣстѣ на ногу такъ, чтобы никто не замѣтилъ,—какъ только женихъ приступитъ невѣстѣ ногу, невѣста завоетъ:

«Ишшо що, кормилецъ—батюшко, не морозы-ли лютые по подлавицю ходять, пришипало у младшеньки ли правую ноженьку?» Дѣвки въ это время стучать подь окномъ и зовуть сговоренку водить хороводъ.

«Отпусти, цюжай цюжанинъ, ко душамъ краснымъ дѣвицамъ въ достальныя, въ послѣднія меня на улюцку погуждать». Позволенія не получаетъ. Начинаются дары. Подговариваясь къ дарамъ дружка говоритъ:

«Мы, сватушко, не для того сидимъ, що сдаряя глядимъ, а що знатця хотимъ».

Едва сваха, мать невѣсты, подойдетъ съ блюдомъ, на которомъ лежатъ дары (полотенца или деньги), дѣвицы запѣвають «величаніе». Начинаютъ съ тысяцкаго:

Какъ у царочки у серебряныя

Золотой вьюницокъ;

Какъ у свата, у Максима,

Дорогой его обычай:

Гдѣ ни цѣть, гдѣ ни бѣтъ,

Домой идетъ поцевать.

— Ужь ты, Анна, вставай,

Доць Максимовна, вставай!

— «Не досугъ, сударь, встрѣцать,

Ужь я сына-то кацаю,

Себѣ сношеньку я цаю,

Себѣ сноху молодую

Перемѣну въковую».

Холостымъ дѣвцы поють:

«Кудрявино, кудрявино,

Кудреватый удалъ молодець,

Ты Андрей, сынъ Демидовицъ!

Ужь и кто тебя спородилъ?

— Спородила родна матушка

Воскормилъ, воспоилъ батюшка,

Воскачала легка лодочка.

— «Скажи кто у тебя

Кудерци завивалъ?

— Завивала-то милая сестра

Да свѣтъ Анна Демидовна!»

Когда кончится даренье, поѣздъ начинаетъ собираться къ вѣнцу: дружка ставитъ жениха и невѣсту на войлокъ и подводитъ къ нимъ отца и мать, которые благословляютъ чету. Какъ только сойдутъ съ войлока, братъ невѣсты беретъ ее за косу и не отпускаетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ выкупъ (копѣекъ 5—10); войдокъ же беретъ кто нибудь изъ родныхъ и требуетъ выкупа. Въ телѣгу (или сани), въ которой поѣдетъ сговоренка къ вѣнцу, невѣсту сажаютъ братъ: она воетъ:

«Не скажай-ка, братецъ-батюшко, на цюжа добра коня!»

Потомъ она прощается со всѣми подругами, обнимается и съ каждой воетъ.

Наконецъ, всѣ гости усѣлись; дружка обходитъ весь поѣздъ три раза и говоритъ:

«Милости прошу къ нашему князю новобрашному въ гости гостить!»

До половины дороги сговоренку провожаютъ подруги, а нѣкоторые до самой церкви. Всю дорогу невѣста причитаетъ.

Послѣ вѣнца невѣсту отводятъ въ сторожку, которая бываетъ при церкви, или въ домъ священника, и тамъ

свахи крутятъ ее (заплетаютъ въ двѣ косы). Въ телѣгу теперь долженъ посадить женихъ (т. е. ужъ молодой мужъ), но невѣста, на сколько хватитъ силъ, упирается, чтобы никогда не поддаваться мужу. Отъ вѣнца молодые отправляются со всѣмъ поѣздомъ пировать къ отцу молодого-новобрачнаго. Молодыхъ кормятъ отдѣльно и, какъ только они закусятъ, ихъ отправляютъ «на подлѣть» (отдыхать въ отдѣльную комнату). Дружка беретъ за руки молодыхъ и приговариваетъ:

«На подлѣть вести, за хохоль трести, мельницу ковать, ячею пробивать».

Дружка и сваха провожаютъ новобрачныхъ до постели. Молодой, не снимая сапогъ и шляпы, садится на постелю; молодая подходит и говоритъ:

«Позволь съ права уха шляпницу снять, на лѣвое колѣно положить; позволь праву ноженьку разуть». (Обыкновенно въ сапогъ молодой кладець деньги и когда его разуетъ молодая жена, то деньги беретъ себѣ).

Дружка кладетъ молодыхъ на постель и перекатываетъ ихъ другъ черезъ дружку три раза, приговаривая:

«Ройся въ шерсти».

На другой день бываетъ «бѣленье». Всѣ обмываются водой холодной и моютъ молодыхъ (последнихъ обыкновенно уводятъ въ отдѣльную комнату, приносятъ имъ воды и оставляютъ ихъ, чтобы они мылись). Потомъ попирують и въ тотъ же день разъѣзжаются, если свадьба бываетъ въ рабочую пору, а если осенью или зимой, то пируютъ, какъ Богъ на душу положитъ.

На второй недѣлѣ, послѣ Пасхи, молодыхъ «окликають». Этотъ обычай окликанія называется еще и «вьюницей». Въ субботу къ молодымъ приходитъ толпа ребятишекъ-мальчиковъ. Они входятъ въ сѣни, открываютъ дверь избы и останавливаются на мосту; затѣмъ хоромъ поють:

Ой, юница, ой молодая,

Подавай наши кулици!

Ежель не подашь,

Кицку сшибемъ,

Ворота прошибемъ,

Тебя въ хлѣвъ запремъ,

Помеломъ заткнемъ,

Крюгомъ вытащимъ».

Молодая выходитъ къ нимъ съ рѣшетомъ, нашоленными колобрами, и одѣляетъ каждого изъ мальчиковъ.

На слѣдующій день, въ воскресенье, между заутренею и обѣденою, являются всѣ женатыя, сколько ихъ ни есть въ селеніи, и начинаютъ:

Эй, вьюница, эй молодая!

Ужь и дома-ли хозяйинъ съ хозяйшкою?

Мы не воры пришли, не разбойники,

Мы пришли пѣвчи, окликальщици,

Окликальщици да величалъщици.

Эй, вьюница, эй молодая!

Благословляй-ка ты, хозяйинъ,

Новобрашныхъ окликатъ,

Молодую величатъ!»

Далѣе «вьюница» воспѣваетъ три «угоды», которыя есть на дворѣ хозяина. Первая угода—«соловей гнѣздо вѣсть, малыхъ дѣтинецъ ведеть». Вторая угода—«блжаровы пчелы», и третья—есть «тесова кровать», на которой пуховая перина и подушка парчевая, на подушкѣ парчевой вьюнецъ молодецъ со «обрушной» со своей. Вьюнецъ по снѣчкамъ ходитъ, въ гуслички играетъ, жену утѣшаетъ. Онъ совѣтуетъ ей не плакать, говори, что взялъ ее не силою, не «увозомъ увезъ», а по доброй волѣ и согласію ея родителей. Вьюница заключается обращеніемъ пѣвцевъ къ молодой:

«Ты беритка, бери

Свой золотыя ключи;

Отпирай, отпирай

Окованны ларчи;

Вынимай, вынимай

Парцовы кошели;

Одѣляй да одѣляй

Нась пѣвчовъ, молодчовъ (bis)

Да окликальщицковъ,

Обликальщицковъ

Да величалъщицковъ.

Хоть по денежкѣ

Да по копѣецкѣ,

Хоть по цароцкѣ винча

Да по стаканчику пивча,

И ужъ сверхъ того

Да по красному яйцу.»

До этого времени, хотъ-бы съ момента свадьбы прошло болѣе полгода, окликаемыхъ зовутъ *молодыми*; но съ вьюницею это оканчивается, и никто ихъ больше не называетъ молодыми *).

*) Другіе свадебные обычаи и обряды составляютъ предметъ особыхъ очерковъ, которые я, современемъ, представлю въ нашъ отдѣлъ.

Надо замѣтить, что какъ окликаніе, такъ и весь свадебный обрядъ и многіе другіе народныя обычаи, свидѣтельствуютъ о публичности, или общественности, которыя у русскаго народа стояли когда-то на самой высокой степени развитія. Всякое явленіе, всякій случай, какъ бы частень онъ ни былъ,—составляя предметъ общаго интереса; то, что, казалось, было только дѣломъ единичной личности, одного человѣка—было дѣломъ *всѣхъ*, въ положеніи или участи одного принимали *всѣ* живое участіе. Ничто, кажется, частице факта, какъ положеніе новобрачной до замужества: здѣсь дѣло касается интересовъ только *одного* мужа. На взглядъ многихъ просвѣщенныхъ людей можетъ показаться дивностью, остаткомъ, варварства, освидѣтельствованіе молодыхъ утромъ послѣ свадьбы. Иначе и быть не можетъ, если станемъ разсматривать явленіе отдѣльно, безъ всякаго отношенія къ другимъ явленіямъ народной жизни. Но разъ мы соединимъ факты, комбинируемъ, мы ясно увидимъ, что и въ данномъ случаѣ выступаетъ *общее* русской жизни начало: интересъ одного—интересъ *всѣхъ*, и всѣ оказываютъ участіе или сочувствіе единичной личности, раздѣляютъ ея радость и горе, честь и позоръ, потому что эта личность есть членъ рода или общины, организмъ которыхъ только и крѣпокъ взаимностью интересовъ отдѣльныхъ членовъ.... Въ фактѣ же «окликанія» молодыхъ, кромѣ этого общаго начала, не трудно усмотрѣть другое начало, тѣсно связанное съ первымъ и не менѣе его важное: это—признаніе со стороны народа, или общины, правъ гражданства за вступившими въ бракъ. Послѣ «окликанія» новобрачныхъ не зовутъ уже больше *молодыми*, а крестьянинъ и крестьянка, что—другимъ словомъ—молодые теперь ужъ сдѣлались равноправными со всѣми членами общины; ибо сама община признала эту равноправность: молодыхъ мѣръ «окликаль»....

Опускаю описаніе народныхъ празднествъ, которыя совпадаютъ большей частию съ какимъ нибудь праздникомъ церкви, и перейду прямо къ народной медицинѣ.

Въ каждомъ уѣздѣ Заволжья есть отъ земства врачи, одинъ или два на весь уѣздъ съ населеніемъ отъ 80 до 100 тыс. человѣкъ. Но къ помощи ихъ народъ не обращается, у него есть свои медицинскія средства, свои доктора-знахари и колдуны. Только зажиточные мужики, въ селѣ которыхъ живетъ врачъ, иногда заглянуть въ квартиру «барина». Но знаніе ученаго врача, и въ данномъ случаѣ рѣдко достигаетъ дѣли.

Народная медицина богата средствами. Привожу здѣсь только весьма немногія, которыми народъ пользуется въ различныхъ болѣзняхъ.

1) *Отъ зубной боли*: а) сѣра съ черемухи, б) смола изъ трубки, с) табакъ класть на зубы, d) донце луковичицы, е) грибокъ, поднятый на ель бѣлою и f) подкуривать бѣленнымъ сѣменемъ.

2) *Отъ кровей* (у женщинъ): а) пить воду, кипяченую съ луковымъ перомъ, б) настой травы *деветерь* красный (изъ зонтичныхъ растений), с) настой травы *плакунъ* (ползучее растение), d) настой корня (красный) марены.

3) *При эсенскихъ мукахъ*: а) поить порохоомъ, разведеннымъ въ водѣ, б) трутть деревяннымъ масломъ, с) поить солодомъ съ водою.

4) *Отъ поръза*: а) гнѣздомъ осы прикладываютъ, б) змѣиной шкурою и с) сухимъ дождевикомъ.

5) *Отъ трипера* и суженія мочевого канала пьютъ толченый хрусталь съ водою.

6) *Посля родовъ*: а) пьютъ и подпариваются травую *юдикомъ* (изъ класса подорожниковъ), б) подпариваются лошадинымъ каломъ, с) пьютъ настой подорожника и его корней (когда подводить животъ).

7) *Отъ жабы* пьютъ настой травы *жабренъ*.

8) Корни балаболки (болотная лилія) сушатся для того, чтобы распаренными кормить дѣтей для здоровья, для полноты.

9) *Отъ прыжи* поить настоємъ *корней лодки*, а ягодами этого растенія дѣвица румянится.

10) *Отъ желчи* пьютъ настой *зюпробоя*.

11) Отъ обизора (озенишша) пьютъ настой травы *обизорьниця* (одуванчикъ); а водою, пропущенной черезъ стебелекъ одуванчика, поить дѣтей отъ запору. (Женщина объяснила мнѣ это такъ: «донца нѣтъ у яглия этой травы, поэтому вода свободно проходить: такъ и у дитяти пойдетъ».)

12) *Отъ опухолей*: а) подпариваютъ травой хмѣлевской (дикій хмѣль) и б) травой *теплоухъ* (зонтичное растеніе).

13) Лишайникъ (который растеть на борахъ) пьютъ настоенный въ водѣ для того, чтобы не носить дѣтей.

14) *Отъ рожи* прикладываютъ *камчукъ* траву.

15) Отъ поносу: а) пьютъ черемуховыхъ ягодъ и в) лошадиный шавель.

16) *Отъ черной немочи* пьютъ *перелойницю* (вьющ. раст.).

17) *Отъ дурмана* (бахмура—головная боль) прикладываютъ къ затылку молодой крапивы и пр. Едва ли нужно говорить, что народъ, пользуясь травами, обращаетъ вниманіе только на наружную сторону растенія; такъ отъ кровей—травы съ краснымъ корнемъ, отъ бѣлей трава съ бѣлымъ корнемъ, отъ желчи (желтуха) звѣрбой (желтый), отъ запора ягилъ безъ донца, отъ опухолей листья мягкія. Слѣдовательно, какой видъ имѣть болѣзнь, такой должна имѣть и трава.

Кромѣ травъ и разныхъ снадобьевъ, важную услугу жителямъ Заволжья оказываютъ также заговоры и молитвы, съ образцами которыхъ мы уже знакомы и пѣлбная сила которыхъ имѣть универсальное значеніе. Здѣсь я ограничусь проведеніемъ одного заговора. Это молитва отъ *ногтя* (т. е. когда лошадь хрипитъ и кашается).

«Встану я, рабъ Божій (имя), свѣжей водою умываюсь, чистымъ полотенцемъ утираюсь. Выхожу я, рабъ Божій, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяць, подъ цыгеты звѣзды. Молюсь я, рабъ Божій, на всѣ на цетыре стороны, въ навосточной сторонѣ есть океанъ море, а въ этомъ океанѣ морѣ есть ладъ камень; на этомъ камнѣ есть 12 ногтей, 12 когтей. Подите вы, когти и ногти, въ любезнаго моего живота (Барька) прямо въ морду, изъ морды въ правую ноздрю, изъ правой въ лѣвую, изъ лѣвой ноздри въ правое ухо, изъ правого уха въ лѣвое, изъ лѣваго уха въ переднюю правую ногу, изъ передней правой ноги въ переднюю лѣвую, изъ передней лѣвой въ заднюю правую, изъ задней правой въ заднюю лѣвую, и выйдите вы когти и ногти изъ любезнаго моего живота прямо въ хвостецъ, и подите вы, когти и ногти, въ мѣста непроходимыя, въ въ болота тонучія по мою жизнь и по его во вѣки. Аминь».

Заговоры и молитвы въ народѣ составляютъ секретъ: если сказать другому—чудодейственная сила ихъ пропадетъ.

Раньше уже было сказано, что заговорами и молитвами народъ ограждаетъ себя и отъ злыхъ людей, и чертей, и колдуновъ. Но не смотря на это, колдуны пользуются большимъ значеніемъ. Исполненіе всякаго обычая и обряда не обходится безъ колдуна, его зовутъ къ беременнымъ женщинамъ, больнымъ и «порченнымъ». Колдуны могутъ напустить всякую болѣзнь и порчу. Наблюденія указываютъ, что народъ идетъ всегда лѣ-

чаться къ тому же колдуну, на котораго думаютъ, что онъ напустилъ боль. Колдуны иногда сами сознаются, что грѣхъ ихъ, а иногда говорятъ, что они не на того напускали, а на другаго, только этотъ подвернулся на тотъ часъ. Всю силу избавленія отъ болѣзни народъ приписываетъ *словамъ* (нашептываньямъ) колдуна, но не тому, на чемъ было нашептано. Сколько бы не увѣряли, что въ случаѣ подѣйствовали не слова колдуна, а его лѣкарства (вино, чай, наборъ травной; какъ грудной чай, или различныя припарки), народъ не повѣритъ: «безъ колдуна больной пользовался этимъ, скажутъ, да не помогло, а какъ пошепталъ колдунъ, такъ и полегчало».—Колдуны есть добрые и злые; добрый колдунъ умереть можетъ и безъ передачи своего ремесла, а злой не можетъ умереть,—всего изломаеть, а не умереть, пока не передастъ колдовство свое. Злой колдунъ и дѣлаеть все зло, почитать его должно болѣе, чѣмъ добраго. Злой колдунъ можетъ боль напустить по вѣтру. Онъ знаетъ съ нечистымъ (*несидимымъ, перехожимымъ, водянымъ, льснымъ* и т. п.).

Тѣ же явленія мы встрѣчаемъ и у раскольниковъ: они также вѣрятъ колдунамъ, различнымъ примѣтамъ, и умы ихъ исполнены всевозможныхъ суевѣрій и предрасудковъ. У нихъ есть цѣлая литература, но отъ знакомства съ послѣднею міросозерцаніе ихъ нисколько не становится правильнѣе. Въ средѣ раскольниковъ существуетъ и поэзія—духовные стихи; но отъ этой поэзіи вѣетъ могильнымъ холодомъ и смертью. Содержаніе ихъ стиховъ—уничтоженіе страстей человѣческихъ, уничтоженіе всего тѣлеснаго и чувственнаго, борьба съ искушеніями дьявола, который одолеваетъ раскольниковъ-поэтовъ представленіемъ женской прелести и всякаго рода соблазнами, постоянное обращеніе къ Богу за помощью и т. п. Попадаются между ними, правда, творенія, не лишеныя значенія, и особенно одинъ стихъ заслуживаетъ вниманія, — стихъ на раззореніе старообрядческихъ скитовъ по рѣкѣ Керженцу. Въ стихѣ изображенъ и самъ «генераль», нарушавшій обители древняго благочестія. Но и это стихотвореніе пахнетъ риторикою. Между всѣми вопросами, не отступно преслѣдуемыми раскольничій міръ, самымъ гучимъ выступаетъ вопросъ о кончинѣ міра. Астрономическія явленія, отечественныя событія и газетныя извѣстія, во временахъ достигающія глухихъ раскольниковыхъ угловъ, истолковываются ими по своему и не рѣдко принимаются за знаменія втораго пришествія.

Но между раскольниками есть особые люди, старцы и странники, большей частью изъ отставныхъ и православныхъ дьяковъ, которые ходятъ изъ одного селенія въ другое и вопіютъ: «покайтесь, близко пришествіе антихриста». Я познакомлю съ проповѣдью одного изъ предсказателей. Четыре года тому назадъ, странникъ началъ проповѣдывать о пришествіи антихриста и предсказывать, что въ 1874 г. наступитъ кончина міра. Въ 1870 — 71 годахъ, по словамъ его, должны были обнаружиться слѣдующія знаменія пришествія антихристового.

Въ Новѣ-городѣ соберется митрополія изъ всѣхъ архіереевъ и игуменовъ для того, чтобы вѣру упразднить и церкви закрыть. Антихристъ, которому исполнится уже къ тому времени тридцать лѣтъ, пошлетъ по всей землѣ три тысячи палачей; эти палачи будутъ прикладывать на людей черныя печати на лбу, на рукѣ и на всѣхъ членахъ, по словамъ Ефрема Сирина. Почти всѣ люди примутъ эти печати, а кто не приметъ, того палачи будутъ сажать въ темницу и мучить. Черезъ три года послѣ того, т. е. въ 1874 г., наступитъ второе пришествіе, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ священнаго писанія (Ев. Лук. гл. 13): «се третіе лѣто отъ нележе приходу ища плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю: пощцы ю убо... Господи остави ю и се лѣто, дондеже окопаю окрестъ ея и осыплю гноємъ. И аще убо сотворитъ плодъ; аще же ни, во грядущее лѣто пощѣши ю». Это значитъ, что кончина міра будетъ въ четвертомъ столѣтіи, слѣдующемъ за седьмою тысячею лѣтъ отъ сотворенія міра. Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли черезъ семь тысячъ лѣтъ будетъ кончина міра, странникъ считалъ уже рѣшеннымъ: «дѣло извѣстное, говорилъ онъ, что представленіе свѣта будетъ въ восьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія міра; это давно уже сказано, но не сказано прямо того, въ которомъ именно столѣтіи осьмага тысячелѣтія будетъ представленіе свѣта. Пустынники же и это знаютъ, потому что они понимаютъ священное писаніе, а въ священномъ писаніи сказано, что смоковницю, т. е. вселенную, Богъ пощѣтитъ въ четвертое лѣто. То же самое говорится и въ 10 гл. Апокалипсиса, гдѣ ангелъ кланется, что лѣта уже не будутъ. Что подъ лѣтомъ въ томъ и другомъ случаѣ нужно разумѣть столѣтіе—это видно изъ псалтиря, въ которомъ будто-бы сказано: у Господа тысяча лѣтъ нашихъ вѣкъ, а сто лѣтъ едино лѣто». Почему, именно, кончина міра должна быть въ 1874 г.

этого странник не объяснилъ, ограничившись только сказаніемъ на другія мѣста священнаго писанія, изъ которыхъ будто бы ясно видно, что она наступитъ скоро. «Такъ, въ 9 гл. Апокалипсиса говорится, что съ неба спала звѣзда, которой данъ былъ ключъ отъ кладезя бездны; изъ кладезя вышелъ дымъ, а изъ дыма саранча; это рѣчь идетъ о пароходѣ. Саранчѣ дано мучить людей пять мѣсяцевъ, а пароходы ходятъ только лѣтомъ пять мѣсяцевъ, и съ нихъ, будто бы, много сходить больныхъ. У саранчи были брони, какъ бы желѣзные, а шумъ отъ крыльевъ ея какъ стукъ отъ колесницъ. Очевидно, что здѣсь говорится о пароходахъ, которые покрыты желѣзомъ, а отъ колесъ ихъ бываетъ шумъ. Въ 16, 17 и 13 стихахъ той же главы говорится о войскѣ, въ которомъ всадники имѣли огненные брони, головы у коней были какъ у львовъ и изъ рта коней выходилъ огонь, дымъ и сѣра. Это первое горе. (Ст. 12—Севастопольская война, огненные кони—желѣзные дороги и пароходы.) Въ 10 гл. въ 10 ст. говорится о *книжечкѣ сладкой въ устахъ*, а горькой въ чревѣ: это значить, что людямъ только на словахъ обѣщаютъ лучше, а на дѣлѣ выходитъ хуже. Въ 11 гл. въ 1 ст. сказано: возетани и измѣрь церковь Божию и алтарь; это предсказаніе недавно исполнилось, когда велѣно было смѣрять, т. е. сократить причты при церквахъ. Въ 3 ст. говорится о двухъ свидѣтеляхъ. Они уже явились и отправились на проповѣдь въ Иерусалимъ, къ намъ не прїѣдутъ, потому что у насъ есть священные книги, а въ Иерусалимѣ живутъ нехристи—турки. Въ 18 гл. ст. 11 звѣрь, т. е. антихристъ названъ осмымъ, потому что онъ пришелъ въ осмой тысячѣ лѣтъ. Слѣдовательно, число 8—число знаменательное, а такъ какъ пославянки оно изображается буквою и, то во всѣхъ мѣстахъ библии, гдѣ поставлена эта буква въ скобкахъ (и), заключается предсказаніе объ антихристѣ, хотя рѣчь идетъ, повидимому, совсѣмъ о другомъ предметѣ. Понять эти мѣста можетъ не всякій».

Этотъ пророкъ громитъ человѣческіе пороки, возстаетъ противъ пьянства, куренія табаку, деревенскихъ

хороводовъ, пѣсенъ и т. п. Онъ учитъ, что все это есть великій грѣхъ и рисуется передъ слушателями картину страшныхъ мученій, которыя получаютъ грѣшники. Поученіе свое странникъ излагаетъ такъ:

«Земля стоитъ на столбахъ; столбы укрѣплены на площадкѣ, а площадку подпираетъ большой звѣрь; въ этомъ звѣрѣ заперты грѣшныя души, если бы не было этихъ душъ, то и звѣрь живъ бы не былъ. Судь надъ душами происходитъ на небѣ такимъ образомъ: каждый день въ 12 часовъ Исусъ Христосъ садится за престолъ, напротивъ него по другую сторону Божья матеръ; къ третьей сторонѣ престола подходятъ ангелы и приносятъ добрыя дѣла людей, а къ четвертой являются злыя дѣла. Исусъ Христосъ начинаетъ судить, а Божья матеръ принимаетъ приношенія за умершихъ. Поэтому, кто приноситъ за умершихъ пироги, тотъ пусть знаетъ, что ихъ принимаетъ сама Божья матеръ и что чѣмъ больше пироговъ, тѣмъ скорѣе грѣшныя души будутъ освобождены изъ утробы звѣря. Одинъ старецъ, который обмиралъ и потомъ снова возвратился на этотъ свѣтъ, рассказывалъ, что не всѣ грѣшники въ утробѣ звѣря, а есть и другія дѣла ихъ мученія. Такъ, онъ видѣлъ дѣвицъ и старухъ, скованныхъ цѣпями; дѣвицы лежали на площади, а старухи подлѣ площади,—это наказаніе за деревенскіе хороводы, на которыхъ дѣвицы поютъ и пляшутъ, а старухи смотрятъ. Потомъ онъ видѣлъ душу, заключенную въ желѣзный раскаленный шаръ, и молодого парня, который возитъ въ тачкѣ песокъ въ яму и самъ постоянно въ нее падаетъ, это—наказаніе за куреніе табаку. Видѣлъ человѣка, котораго заставляютъ пить блевотину, это—наказаніе за пьянство и т. п.»

Всѣ эти предсказанія, ужасы загробныхъ мукъ, волнуютъ раскольничій міръ, а пророкъ получаетъ пироги, деньги и несетъ въ кабаки.

Отголоски слышатся и въ населеніи православныхъ, но это не мѣшаетъ въ Заволжѣ хороводамъ и народная пѣня, постоянно создаваемая, громко раздается по селамъ и деревнямъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ КЪ СТАТЬѢ:

«ПО ВОЛГѢ И ЕЯ ПРИТОКАМЪ».

(Этнографическія наблюденія и замѣтки.)

Настоящія замѣтки—результатъ экскурсій, совершенной мною въ 1874 году лѣтомъ по р. Волгѣ и ея притокамъ. Задачу этой экскурсіи я поставилъ себѣ познакомиться съ современною жизнью населенія Поволжья,—жизнью, какъ она выражается въ вѣрованіяхъ русскаго народа, его обычаяхъ и обрядахъ, пѣсняхъ, и другихъ проявленіяхъ народнаго духа. Излишне упоминать, что для выполненія подобной задачи потребовались бы не мѣсяцы, но годы и, притомъ, совокуннаго труда многихъ лицъ, а не одного человѣка. Поэтому я ограничился знакомствомъ съ жизнью мѣстнаго населенія только въ общихъ и главныхъ чертахъ и намѣтилъ явленія, наиболее интересныя въ этнографическомъ отношеніи, явленія, которыя современемъ могутъ быть подробно изслѣдованы людьми, посвящающими свои знанія, умъ и талантъ дѣлу изученія родной страны.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о средствахъ къ выполненію поставленной мною задачи.

Хотя въ трудахъ различныхъ ученыхъ учреждений и періодическихъ изданіяхъ и встрѣчаются статьи по этнографіи Поволжья; но литература эта почти ничего не даетъ для изслѣдователя современной жизни Поволжья: одни изъ писателей говорятъ о временахъ, относительно, довольно отдаленныхъ, а другіе пускаются въ область фантазіи и, вмѣсто изображенія реальной жизни, сочиняютъ факты и совершенно исключаютъ дѣйствительность*). Мѣстныя губернскія вѣдомости, въ программу которыхъ, по закону, входятъ и рубрики этнографіи, представляютъ чисто аравійскую пустыню.

Просматривая вѣдомости за нѣсколько лѣтъ, я находилъ въ нихъ кое-какіе матеріалы, но къ сожалѣнію, для меня совсѣмъ непригодные; за послѣднее же время, благодаря тройной цензурѣ, черезъ которую проходятъ вѣдомости, онѣ, мнѣ кажется, окончательно уже эманипировали себя отъ всякихъ статей по этнографіи. Въ нѣкоторыхъ

изъ губернскихъ вѣдомостей не дозволяется помѣщенія даже дѣтскихъ пѣсень...

Затѣмъ, обращаясь къ людямъ болѣе или менѣе компетентнымъ въ дѣлѣ этнографіи, я, къ великому моему огорченію, встрѣчалъ полнѣйшее равнодушіе. Нѣкоторые люди, можно сказать, образованные, не безъ удивленія иногда спрашивали меня: «Да вамъ зачѣмъ это?»

Такимъ образомъ въ моемъ распоряженіи оставалось только одно средство, это непосредственное знакомство и наблюденія. Но кто не знаетъ, какими трудностями обставлено у насъ подобнаго рода изученіе родины?.. Мнѣ лично въ этомъ пришлось самому убѣдиться, когда я перекочевывалъ изъ одного селенія въ другое. Въ одномъ изъ уѣздовъ, прилежащемъ къ рр. Камѣ и Волгѣ, куда бы я ни шелъ, куда ни ѣхалъ,—по стопамъ за мною ѣхалъ мѣстный исправникъ.

Указаній на эти факты достаточно, чтобы къ моему скромному очерку отнестись снисходительно.

Свои наблюденія надъ этнографіей побережья Волги и ея притоковъ, на основаніи особенностей характера мѣстной страны, я раздѣлил на три отдѣла. Первый отдѣлъ—отъ Рыбинска до Пучежа; въ него вошло описаніе людей фабрично-промышленнаго населенія Поволжья. Второй отдѣлъ пос. Пучежа до Казани, занятъ изслѣдованіемъ быта населенія, живущаго мелкой торговлею, рѣчными и курстарными промыслами и отчасти земледѣліемъ. Предметомъ третьяго отдѣла, Заволжья, была жизнь тѣхъ селеній, жители которыхъ занимаются преимущественно земледѣліемъ и лѣсными промыслами.

Здѣсь я пріятнымъ долгомъ считаю указать на лицъ, оказавшихъ мнѣ свое содѣйствіе, и выразить имъ искреннюю мою признательность. Это—А. С. Гацскій (секретарь Ниж. Губ. Стат. Ком.), В. Г. Широковъ (секрет. Костром. Губ. Стат. Ком.), П. К. Херсонскій (смотри. Макарьев. духов. учил. на Унжѣ) и А. Т. Виногорадъ (студ. Медико-Хирургич. Академіи). Последнему я особенно много обязанъ за сообщеніе матеріаловъ, собранныхъ имъ по моей программѣ въ Кологривскомъ уѣздѣ, Костром. губ.

Ф. Нефедовъ.

*) Исключеніе составляетъ только «Сборникъ Нижегородскаго Губ. Статистическаго Комитета».

2007054470